

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (55)

2023

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент
Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент
Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор
Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор
Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент
Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент
Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 44-91-74

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 29.12.2023.
Выход в свет 15.03.2024.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 4,2.
Тираж 25 экз. Заказ 3-104-24.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса (Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия).

Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса (Омская академия МВД Российской Федерации, Омск, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия), судья (Арбитражный суд города Москвы, Москва, Россия).

Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе (Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия).

Росинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва, Россия).

Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины» (Пензенский государственный университет, Пенза, Россия).

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия).

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса (Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

О системе целеполагания в российском уголовном процессе Вершинин И.Л., Кожевников Р.О.	5
Понятие приобретательной давности как субинститута гражданского права Дулгер А.В.	13
Между следствием и судом: действия и решения прокурора по окончании расследования как завершающий этап досудебного производства Лазарева В.А.	19
Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с особой жестокостью и путем жестокого обращения: вопросы квалификации Савельева О.Ю.	27
НАШИ АВТОРЫ	35

CONTENT

On the goal-setting system in the Russian criminal procedure Vershinin I.L., Kozhevnikov R.O.	5
The concept of acquisitive prescription as a civil law substitution Dulger A.V.	13
Between the investigation and the court: actions and decisions of the prosecutor at the end of the investigation as the final stage of pre-trial proceedings Lazareva V.A.	19
Criminal liability for crimes committed with extreme brutality and through abusive treatment: classification issues Savelyeva O.Yu.	27
OUR AUTHORS	35

О системе целеполагания в российском уголовном процессе

© 2023

*Вершинин Иван Леонидович**, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»*Кожевников Родион Олегович*, аспирант*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)**E-mail: iv.vershinin2015@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.11.2023

Принята к публикации 11.12.2023

Аннотация: В статье представлено исследование проблемы определения целей уголовного процесса применительно к современному российскому уголовному судопроизводству. Обобщив представленные в уголовно-процессуальной науке концепции, взгляды, подходы к определению целей исторических типов уголовного процесса (уголовного судопроизводства), авторы применили полученные результаты к действующей модели российского уголовного процесса и провели функциональный анализ процессуальной деятельности отдельно в досудебном и судебном производстве, ориентируясь на полномочия должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. При поиске и формулировании целей для каждой части судопроизводства авторы исходили из характеристики цели как гипотетической формы окончания процесса, продиктованной полномочиями руководителя процесса и связью уголовного процесса с уголовным правом. Показано, что попытки формулировать единую цель уголовного процесса, организованного по смешанному типу, изначально обречены на неудачу ввиду принципиальных различий досудебного и судебного производства. Предложено в российском уголовном процессе (уголовном судопроизводстве) выделять не одну, а несколько целей, обусловленных особенностями отдельных этапов процессуальной деятельности: цели, стоящие перед следователем (дознавателем) в ходе предварительного расследования; цели, стоящие перед прокурором в ходе уголовного преследования; цели правосудия, обеспечиваемые судом. В основу предлагаемой системы целеполагания российского уголовного процесса положен объективный критерий – функциональные различия процессуальных статусов должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Ключевые слова: цели уголовного процесса; досудебное производство; судебное производство; цель предварительного расследования; цель уголовного преследования; цель правосудия.

Для цитирования: Вершинин И.Л., Кожевников Р.О. О системе целеполагания в российском уголовном процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 5–12. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-4-5-12.

ВВЕДЕНИЕ

Любая осознанная деятельность целенаправленна, особенно когда речь идет о правоприменительной деятельности, по результатам которой возможно применение репрессивных мер государства. К сожалению, данное качество не обеспечено в полной мере законодателем применительно к российскому уголовному судопроизводству. Действующий уголовно-процессуальный закон не только не закрепляет цели уголовного судопроизводства, но и не указывает каких-либо ориентиров деятельности для должностных лиц, уполномоченных на производство по уголовному делу. Вместе с тем понимание цели процессуальной деятельности и ее закрепление в законе принципиально важно, так как именно под достижение этой цели выстраивается производство по уголовному делу и формируются полномочия должностных лиц, обязанных эту цель достигать.

Заполнение обозначенного пробела имеет важное методологическое значение. Заранее установленная цель процесса предопределяет порядок уголовного судопроизводства и составляющие его правовые институты. А соотношение цели со средствами ее достижения и полученным результатом позволяет считать порядок судопроизводства необходимым и достаточным для реализации целей уголовного судопроизвод-

ства. Соответственно, отсутствие в законе закрепленной цели уголовного судопроизводства – не просто законодательный пробел, это методологическая ошибка законодателя, приводящая к дезориентации правоприменителей, к рассогласованности их полномочий. Отсутствие законодательно закрепленной цели ставит участников судопроизводства в ситуацию, когда им самим приходится определять целенаправленность своей деятельности и перспективы движения уголовного дела.

Значимость обозначенной проблемы объясняет, почему вопросы целеполагания уголовно-процессуальной деятельности постоянно находятся под пристальным вниманием ученых, начиная с XVIII–XIX вв. и до настоящего времени. Уже на этапе разработки первой российской судебной реформы 1864 г. авторы исходили из того, что достоинства уголовного судопроизводства определяются, во-первых, целью, к которой должно быть направлено производство, а во-вторых, средствами, которые закон разрешает или предписывает употреблять для достижения цели. В разное время данной проблематике посвящали свои исследования такие известные правоведы, как В.К. Случевский¹, И.Я. Фой-

¹ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: Судостройство – судопроизводство. 2-е изд., перedel. и доп. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1895. 792 с.

ницкий², Н.Н. Розин³, но, к сожалению, они не нашли однозначного ответа. Рассматривая уголовное судопроизводство как цельную, единую систему действий и решений государственных органов, направленную на получение общего для всех результата, они по-разному формулировали дефиницию данной категории, ориентируясь либо на связь уголовного процесса с уголовным правом, либо на необходимость защиты прав и свобод вовлеченных участников, либо на право государства наказывать виновных. В советский период развития науки уголовно-процессуального права цели судопроизводства связывали с установлением истины по уголовному делу [1; 2] либо с необходимостью самоограничения государства [3]. В этой же парадигме исследуются цели судопроизводства и в современный период [4; 5]. Такое многообразие научных взглядов и подходов объясняется желанием авторов сформулировать общую цель, к которой должно стремиться уголовное судопроизводство. При этом остается без внимания специфика деятельности каждого должностного лица (органа), осуществляющего производство по уголовному делу, а также результаты, которые он должен получить на своем этапе судопроизводства и которые должны учитываться при формулировании единой цели уголовного судопроизводства. Именно поэтому, как мы полагаем, цели судопроизводства обозначаются по-разному, с акцентом на наиболее значимых для автора результатах процессуальной деятельности. Отсутствие общепризнанного понимания цели судопроизводства в уголовно-процессуальной науке до настоящего времени объясняет существующий пробел и в современном законодательстве.

Цель исследования – определение понятия «цель уголовного процесса» применительно к действующей системе российского уголовного судопроизводства и разработка на этой основе предложений о закреплении данной категории в законодательстве.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе последовательно рассматривались и решались следующие вопросы: формирование и развитие правовой категории «цель судопроизводства» в российской уголовно-процессуальной науке, определение взаимоисключающих и противоречивых дефиниций; рассмотрение целей применительно к действующему российскому уголовному судопроизводству с учетом его смешанного типа; определение целей досудебной части уголовно-процессуальной деятельности и судебного производства. Анализ категории «цель судопроизводства» позволил выделить традиционно сформированные направления решения рассматриваемой проблемы, применить к ним логико-юридические методы исследования, состоящие в переносе теоретической концепции целеполагания в теорию уголовного процес-

са, и сделать акцент на функциональных особенностях органов и должностных лиц, осуществляющих процессуальную деятельность. Учитывая смешанный тип российского уголовного процесса, цели процессуальной деятельности рассматриваются и анализируются в рамках системного единства, но отдельно в досудебном и судебном производстве.

Последовательность изложения материала предполагает поэтапное раскрытие следующих смысловых блоков:

- понимание категории «цель судопроизводства»;
- функциональный анализ целей в досудебном производстве;
- функциональный анализ целей в судебном производстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Понимание категории «цель судопроизводства»

Как отмечал Н.Н. Полянский, рассуждая об уголовном процессе, «процесс есть движение вперед, к определенной цели»⁴, именно поэтому вопрос о том, что представляет цель уголовного процесса, вышел на центральное место уже на начальных этапах становления уголовно-процессуальной науки. Понятие цели, сформированное в период действия Судебников 1497 и 1550 гг., связывалось с карательной функцией государства, с государственным правом на наказание преступника⁵, а сам процесс воспринимался как форма и средство осуществления такого наказания.

С принятием Устава уголовного судопроизводства в 1864 г. дефиниция цели получила более определенное содержание: «цель уголовного судопроизводства есть обнаружение так называемой материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка»⁶. Использование категории «истина» в определении цели судопроизводства положительно воспринято исследователями. И.Я. Фойницкий указывал: «Как уголовное, так и гражданское производство стремятся к достижению правильного разрешения дела, соответствующего с истинною»⁷. Разделяют эту точку зрения и представители современной уголовно-процессуальной науки [6].

На рубеже XIX–XX вв. получила научное обоснование концепция, определяющая цель уголовного процесса как разрешение правового спора, уголовно-правового иска, конфликта и т. д. В настоящее время отдельные ученые рассматривают эту концепцию в качестве основной [7], игнорируя то обстоятельство, что уголовный процесс осуществляется и тогда, когда спор (иск, конфликт) отсутствует, а обвиняемый полностью признает себя виновным и раскаивается.

⁴ Полянский Н.Н. *Цель уголовного процесса*. Ярославль: Типография Ярославского Кредитного союза кооператоров, 1919. 36 с. С. 3.

⁵ См. 3. С. 17.

⁶ *Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны*. Ч. 2: *Устав уголовного судопроизводства*. СПб.: Государственная канцелярия, 1866. 504 с.

⁷ См. 2. С. 4.

² Фойницкий И.Я. *Курс уголовного судопроизводства*. Т. 1. Изд. 4-е. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1912. 577 с. С. 2. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/289/12.html>.

³ Розин Н.Н. *Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям*. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: издание Юридического книжного склада «Право», 1914. 546 с.

Иной подход к пониманию целей уголовного процесса обозначился с принятием в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. Цели уголовного процесса стали раскрывать через задачи уголовного судопроизводства, сформулированные в ст. 2 обозначенного закона, на основе которых сформулирована общая аккумулятивная цель судопроизводства – борьба с преступностью [8].

Следующий этап в понимании целей уголовного судопроизводства связан с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), закрепившего в ст. 6 назначение уголовного судопроизводства, на основании которого отдельные авторы в качестве цели судопроизводства стали рассматривать защиту прав и свобод личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальных отношений [9]. Корни такого понимания уходят далеко в историю. Изучая истоки уголовного процесса в древнем Риме, ученые обратили внимание на следующую особенность: «процесс в самом своем начале возникает не как средство осуществления карательной власти государства, которое в таком средстве не нуждалось, а как преимущество, которым в однородных случаях пользовались римские граждане перед иностранцами»⁸. Это преимущество выражалось в том, что для применения наказания к гражданину требовалось обеспечить особый процесс доказывания его виновности, что не применялось в отношении иностранцев.

Многочисленность и многозначность категорий, обстоятельств, факторов, рассматриваемых в качестве целей судопроизводства, позволила отдельным авторам заявлять об иерархии целей и необходимости выделения общей цели, свойственной всему уголовному процессу, и подчиненных ей целей, «типичных для каждой стадии уголовного процесса и для отдельных процессуальных действий» [2, с. 33]. В определенном смысле такой подход является компромиссным и позволяет согласовать между собой обозначенные выше концепции: есть общая цель всего уголовного процесса, в качестве которой предлагается рассматривать достижение истины, защиту лиц и организаций от преступных посягательств либо разрешение по существу уголовно-правового конфликта и т. д.; и есть цели нижних уровней, обусловленные функциями и задачами, разрешаемыми на соответствующих стадиях судопроизводства. Но и такой подход не стал общепризнанным ввиду зарождения дискуссий относительно соотношения терминов «цель» и «назначение». Одни авторы указывают, что обозначенные в ст. 6 УПК РФ положения следует рассматривать в качестве назначения уголовного процесса [10], другие рассматривают данные обстоятельства в качестве целей судопроизводства [11].

Обобщая взгляды, мысли, теории, сформированные в попытках познания целей уголовного процесса, можно выделить три основных вектора в решении данной проблемы:

– процесс обеспечивает карательную функцию государства, рассматривается как средство борьбы с преступностью, цель процесса – наказание преступника;

– процесс ориентирован на охрану прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс, рассматривается как средство защиты от обвинения, цель процесса – освобождение от ответственности невиновного;

– компромиссный вариант, объединяющий в себе два предыдущих подхода с признанием двуединой цели уголовного процесса: назначение справедливого наказания виновным и ограждение от наказания невиновных.

Современному российскому уголовному процессу, который совершенно неоправданно отождествляется с понятием «уголовное судопроизводство», нивелируя тем самым розыскной характер досудебного производства, наиболее близок третий вариант целеполагания, вытекающий из ст. 6 УПК РФ «Назначение судопроизводства». Вместе с тем считать, что обстоятельства, перечисленные в данной статье, формулируют цели уголовного процесса (судопроизводства), полагаем, неверно. Цель любого процесса, в том числе и уголовного, должна показывать итоговый однозначный результат, не допускающий неясностей и взаимоисключающих вариаций. При отыскании и формулировании цели уголовного процесса мы исходим из следующих положений, характеризующих цель как гипотетическую форму окончания процесса:

1. Уголовный процесс есть средство реализации уголовного права, поэтому цель уголовного процесса должна быть связана с применением уголовной ответственности.

2. Цель процесса – это результат, которым завершается процессуальная деятельность уполномоченного лица, если цель достигнута – процесс закончен.

3. Достижение цели исключает продолжение процессуальных действий; продолжение деятельности означает, что достигнутый результат не является целью.

4. Цель не может рассматриваться в отрыве от уполномоченного субъекта, руководящего процессом и обеспечивающего ее достижение.

5. У процесса может быть только один уполномоченный субъект, отвечающий за достижение цели от начала и до окончания процесса.

6. Полномочия субъекта должны быть достаточны для достижения цели процесса.

7. Если деятельность обеспечивают несколько уполномоченных субъектов, у каждого из которых своя цель, значит, осуществляется не один, а несколько процессов.

Опираясь на данные положения, рассмотрим категорию «цель процесса» в функциональном аспекте, взяв за основу деятельность должностных лиц, осуществляющих основные процессуальные функции в досудебном и судебном производстве, и сопоставим их с результатами, которые каждый из них получает при окончании своей деятельности.

Функциональный анализ целей в досудебном производстве

Проводя функциональный анализ целей уголовного процесса, мы исходим из процессуальных функций, обозначенных в ст. 15 УПК РФ: уголовное преследование (обвинение), защита от обвинения и разрешение уголовного дела. Учитывая, что защита от обвинения реализуется участниками, не обладающими государст-

⁸ Mommsen Th. *Romisches Strafrecht, Bindings Handbuch der Deutschen Rechtswissenschaft (I, 4)*. Leipz: Duncker & Humblot, 1899. 1078 p. P. 58–59. Цит. по: Полянский Н.Н. *Цель уголовного процесса*. Ярославль: Типография Ярославского Кредитного союза кооператоров, 1919. 36 с. С. 9.

венно-властными полномочиями, что исключает возложение на них ответственности за достижение целей уголовного процесса, ставить эту функцию в один ряд с функциями органов государственной власти принципиально недопустимо, даже когда речь идет о профессиональном участнике стороны защиты – защитнике. Поэтому в рамках данной статьи функция защиты находится за пределами предмета исследования.

Анализируя функции уголовного преследования (обвинения) и разрешения уголовного дела, надо отметить, что законом выделяется достаточно большой круг лиц, участвующих в ходе процессуальной деятельности и отвечающих за ее ход и результаты: от следователя до суда последней инстанции. В результате одно должностное лицо начинает уголовный процесс, другое лицо его завершает. В такой законодательной парадигме цель уголовного процесса (уголовного судопроизводства) должна достигаться деятельностью различных должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. Вместе с тем, чтобы должностное лицо осуществляло свои полномочия эффективно и результат был прогнозируем, у него должна быть собственная, обусловленная его процессуальным статусом и присущая только ему цель, к которой он должен стремиться в рамках своей процессуальной деятельности. Следовательно, общую цель уголовного процесса (уголовного судопроизводства) следует представлять как совокупность функциональных целей, стоящих перед различными уполномоченными органами и должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Рассмотрим эти цели подробно.

Первым в уголовное судопроизводство вступает орган расследования в лице следователя (дознателя), который начинает досудебное производство с получения сообщения о преступлении, а завершает его составлением обвинительного заключения (акта, постановления) либо вынесением постановления об окончании производства по уголовному делу. Мы осознанно уходим от стадийной структуры досудебного производства и делаем акцент на уполномоченном субъекте – органе расследования, объединяющем стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

В уголовно-процессуальной науке высказаны различные предложения о понимании целей процессуальной деятельности. Например, предложено следующее определение: «целями уголовного судопроизводства в борьбе с преступностью является безусловное, законное, обоснованное и непрерывное применение органами предварительного расследования, их руководителями, прокурорами и судами Уголовного кодекса РФ» [12]. О применении следователями и дознавателями норм уголовного закона как цели их деятельности говорят и другие авторы [13].

Вынуждены констатировать, что такие утверждения расходятся с теоретико-правовым пониманием правоприменения, рассматривающим его как государственно-властную деятельность специально уполномоченных органов по разрешению индивидуальной ситуации путем вынесения индивидуального правоприменительного акта [14]. Применение уголовного права – это прерогатива органов судебной власти. Орган расследования не применяет уголовное право, он применяет уголовно-процессуальное право, хотя бесспорно, что

в своей деятельности он должен знать, ориентироваться и учитывать (а не применять!) положения Уголовного кодекса РФ. Такое отношение следователя (дознателя) к уголовному закону должно быть постоянным в течение всего досудебного производства – и при принятии решения о возбуждении уголовного дела, и в ходе расследования, и при окончании предварительного расследования, когда он должен достичь цели своей деятельности.

В соответствии с п. 47 и 55 ст. 5 УПК РФ следователь и другие органы расследования, как участники стороны обвинения, осуществляют уголовное преследование. Отнесение следователя (дознателя) к стороне обвинения позволяет взглянуть на рассматриваемую проблему с позиции осуществления им уголовного преследования и, соответственно, определять стоящие перед ним цели не в связи с окончанием уголовного процесса, а в связи с окончанием своей части уголовного преследования. К сожалению, полномочия органов расследования в осуществлении уголовного преследования законодательно не обозначены. Достаточно условно сюда можно отнести возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого, собирание доказательств обвинения и составление обвинительного заключения (акта, постановления). Проблема в том, что все эти действия, а также другие действия и решения, осуществляемые следователем при производстве по уголовному делу, составляют содержание предварительного расследования, а соотношение предварительного расследования и уголовного преследования законом не определено. Решение проблемы В.А. Лазарева видит в следующем: предварительное расследование следует рассматривать в качестве формы уголовного преследования [15]. С этим можно было бы согласиться, но из УПК РФ следует, что предварительное расследование заканчивается не только обвинительным актом, но и прекращением уголовного дела (отказом от обвинения) по одному из оснований, указанных в ст. 212 УПК РФ. Это означает, что прекращение уголовного дела (преследования) по установленным законом основаниям также следует рассматривать в качестве цели предварительного расследования. В таких случаях следует признать, что цель предварительного расследования достигнута без осуществления уголовного преследования.

Если составление обвинительного заключения еще позволяет говорить о неразрывном единстве предварительного расследования и уголовного преследования, то прекращение уголовного дела по результатам расследования явно разводит эти два вида деятельности: отсутствие уголовного преследования в этом случае более чем очевидно. Хотя и в первом случае не все так просто. Как отметил С.Б. Россинский, правовое значение обвинительного заключения «надлежит сводить... лишь к подведению итогов предварительного следствия и окончательному признанию его результатов пригодными для судебного рассмотрения по существу» [16, с. 38].

Что же считать результатом деятельности органа расследования и какова его цель в осуществлении процессуальной деятельности? Сказанное дает основания полагать, что целью следователя (дознателя), по мысли законодателя, является установление обстоятельств и характера расследуемого деяния (криминального

либо некриминального), а также причастных к нему лиц. Достигается обозначенная цель посредством предварительного расследования, в рамках которого устанавливаются обстоятельства совершенного деяния и формируется необходимая доказательственная база для принятия законного и обоснованного решения.

В то же время нельзя исключать из функционала органа расследования отдельные действия и решения с обвинительным характером, так как, устанавливая наличие события и состава преступления, следователь (дознатель) должен иметь полномочия, достаточные для осуществления в дальнейшем эффективного уголовного преследования. Наличие отдельных обвинительных элементов в полномочиях органа расследования еще не делает его участником стороны обвинения, так же как обязанность устанавливать оправдывающие и смягчающие обстоятельства не ставит его на сторону защиты. У органа расследования особый статус, обусловленный режимом досудебного производства, где фрагментарно проявляемый принцип состязательности компенсируется особым содержанием полномочий органа расследования. В таком контексте считаем правильным исключить органы предварительного расследования из круга субъектов, осуществляющих уголовное преследование, оставив за ними лишь функцию предварительного расследования, на что неоднократно указывал С.А. Шейфер [17].

Если цель органа расследования – установление криминального либо некриминального характера противоправного деяния, то как эта цель соотносится с целями уголовного преследования и с досудебным производством как структурной частью уголовного процесса в целом?

Как следует из п. 55 ст. 5 УПК РФ, уголовное преследование – это процессуальная деятельность уполномоченных должностных лиц, обязанных по закону изобличать обвиняемого в совершении преступления. УПК РФ не дает понятия термина «изобличать», но из семантического значения этого слова следует, что изобличать – это показывать причастность кого-либо к чему-либо⁹. Обращаем внимание: не устанавливать причастность, а показывать уже установленную причастность обвиняемого к совершенному преступлению. Если орган расследования установил причастность обвиняемого в ходе предварительного расследования, то вполне логично функцию уголовного преследования возложить на прокурора и рассматривать ее за пределами предварительного расследования. Но для того чтобы прокурор в суде смог изобличить подсудимого, на этапе окончания досудебного производства он должен проверить законность и обоснованность решения органа расследования и, лишь согласившись с ним, выдвинуть официальное государственное обвинение и направить уголовное дело в суд.

Утверждение прокурором обвинительного заключения (акта, постановления) по окончании предварительного расследования знаменует собой официальное начало уголовного преследования с четко выраженным объемом, содержанием и границами государственного обвинения.

В таких случаях досудебное производство завершается именно прокурором посредством принятия результатов работы органов расследования и формирования на их основе государственного обвинения. Таким образом, целью прокурора, осуществляющего уголовное преследование, в досудебном производстве является формирование государственного обвинения, а в судебном производстве – изобличение подсудимого перед судом.

Нужно отметить, что большая часть обсуждений функционала и целей деятельности органов расследования и прокурора связана с недостатками правового регулирования полномочий указанных субъектов, например в части понятия уголовного преследования, субъектов возбуждения уголовных дел, доступа прокурора к материалам уголовных дел и т. д. Чтобы окончательно решить данные вопросы, необходимо определиться с ролью и значением каждого органа и должностного лица, действующего в досудебном производстве от имени государства.

Традиционно сложилось так, что на прокурора, помимо уголовного преследования, возложена задача обеспечения надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Понятие и содержание надзора содержатся в законе «О прокуратуре РФ». Не вдаваясь в детали отметим, что надзор как вид деятельности предполагает наблюдение со стороны одного субъекта за другим субъектом, занимающимся самостоятельным видом деятельности. При этом надзирающий и поднадзорный организационно независимы, они не могут выполнять одни функции, задачи, иначе теряется смысл надзора: поднадзорный осуществляет определенный вид деятельности, а надзирающий следит за законностью исполнения.

Соответственно, если следователь (дознатель) и прокурор на досудебном производстве вместе осуществляют уголовное преследование, хоть и в разных формах (частях, этапах и т. д.), то прокурор не может осуществлять за ними надзор. Если же согласиться с тем, что прокурор осуществляет надзор за органами расследования, необходимо признать, что деятельность органов расследования самостоятельна по отношению к полномочиям прокурора, а это означает, что предварительное расследование – самостоятельная процессуальная деятельность. Поэтому, говоря о функциях прокурора, мы исходим из того, что в ходе предварительного расследования прокурор осуществляет исключительно функцию надзора, а после окончания расследования – функцию уголовного преследования.

Если уголовное преследование начинается с утверждения прокурором обвинительного заключения (акта, постановления), то завершается в судебном производстве – при постановлении судом обвинительного приговора. После направления уголовного дела в суд уголовное преследование обеспечивает прокурор либо его представитель, участвующий в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя. Постановление судом обвинительного приговора можно было бы рассматривать в качестве цели деятельности прокурора по осуществлению уголовного преследования, но, учитывая инстанционность судебного производства и возможность отмены или изменения приговора в выше-

⁹ Изобличать // Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/170159/Изобличать>.

стоящих инстанциях, цель прокурора в уголовном преследовании должна считаться достигнутой только при вступлении обвинительного приговора в законную силу.

Функциональный анализ целей в судебном производстве

Вторая из рассматриваемых процессуальных функций – разрешение уголовного дела – в действующем УПК РФ обозначена как правосудие, т. е. осуществляемая судом деятельность по рассмотрению и разрешению уголовных дел (ст. 8, 8.1 УПК РФ). В соответствии с п. 50 ст. 5 УПК РФ процессуальной формой осуществления правосудия выступает судебное заседание, которое проводится не только в ходе судебного, но и в ходе досудебного производства по уголовному делу. Указанная формулировка необоснованно расширяет границы правосудия, с чем мы категорически не согласны, так как судебные заседания, проводимые в ходе досудебного производства, не преследуют своей целью рассмотрение и разрешение выдвинутого прокурором обвинения. Предмет судебной деятельности в досудебном производстве составляют процессуальные действия и решения органов расследования, ограничивающие в той или иной мере конституционные права участников судопроизводства, что выходит за пределы понятия правосудия. С учетом сказанного, определяя границы правосудия, мы исходим из того, что данная функция реализуется судами исключительно в судебном производстве.

Реализация функции правосудия в соответствии со ст. 227, 231 УПК РФ начинается с принятия судом постановления о назначении предварительного слушания или судебного заседания. Завершается функция правосудия вступлением решения суда в законную силу. Учитывая институциональность судебного производства, в осуществлении правосудия по уголовному делу могут принимать участие суды различных инстанций. Но независимо от количества судебных инстанций, участвующих в разрешении уголовного дела, и видов судебных решений, принимаемых по результатам рассмотрения, правосудие представляет собой единую, неделимую деятельность по рассмотрению уголовного дела в условиях состязательности и равноправия сторон, т. е. посредством осуществления сторонами функций уголовного преследования (обвинения) и защиты от обвинения.

Можно ли при таком подходе в качестве цели рассматривать разрешение уголовного дела? На первый взгляд это действительно так – правосудие стремится к разрешению уголовного дела, уголовно-правового спора или конфликта. Однако если ориентироваться не на предмет деятельности суда – разрешение дела, а на то, почему судебный процесс вообще состоялся, что явилось причиной данного разбирательства и какие последствия могут наступить по его завершении, то цель судебного производства проявится значительно четче. Не секрет, что инициатором судебного производства выступает государство (в лице прокурора), которое выдвинуло обвинение и утверждает, что обвиняемый совершил преступление и подлежит наказанию в соответствии с УК РФ. Интересно то, что на момент утверждения обвинительного заключения (акта, постановления) и выдвижения государственного обвинения

прокурор должен быть уверен в виновности обвиняемого в инкриминируемом преступлении и необходимости его наказания. Но если таких же сомнений нет и у обвиняемого, который полностью признает свою вину, то возникает вопрос: зачем начинать судебное производство, если спора как такового нет?

Ответ, как мы полагаем, лежит на поверхности. Согласно п. 2 ст. 8 УПК РФ «никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном законом». В этой формулировке и заключена цель правосудия, на которую еще более ста лет назад указывали ученые-процессуалисты¹⁰, а в современных государствах она стала реальностью: в правовом государстве правосудие осуществляется для того, чтобы показать обществу, что у государства есть право на применение к конкретному обвиняемому мер уголовной ответственности. Как только такое право установлено решением суда, функция правосудия исполнена, и уголовный процесс завершается, так как применение мер ответственности лежит за пределами уголовного процесса. Соответственно, целью уголовного правосудия является установление наличия права государства на применение к обвиняемому мер уголовной ответственности в пределах, установленных Уголовным кодексом РФ. Подтверждение судом этого права дает основания применить к лицу не только наказание, но и остальные меры уголовно-правового воздействия. Неподтверждение судом права государства означает невиновность лица и его оправдание.

Как видим, цели правосудия и цели судебного производства идентичны, потому что обеспечиваются одним субъектом – судом в установленном законом порядке уголовного судопроизводства. Но можно ли цель судебного производства рассматривать в качестве цели всего уголовного процесса? Однозначно нет. Хотя именно такие попытки предпринимаются, когда пытаются сформулировать общую цель для всей системы российского уголовного процесса (судопроизводства), объединяющей правоохранительное по своей сути досудебное производство и правозащитное судебное производство. Безуспешность таких попыток очевидна, так как игнорирование специфики досудебного и судебного производства, нерешенность вопросов в правовом регулировании полномочий должностных лиц, отвечающих за достижение целей своей деятельности, смещение фокуса с реальных результатов деятельности на конъюнктурно значимые факторы с неизбежностью приводят к недостоверным результатам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует признать, что нет и не может быть единой цели у российского уголовного процесса (уголовного судопроизводства), понимаемого в широком смысле как совокупность досудебного и судебного производства. Смешанный тип российского уголовного процесса predetermined постановку по меньшей мере трех самостоятельных целей, которые должны быть достигнуты в последовательном порядке каждым уполномоченным

¹⁰ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: Судостройство – судопроизводство. 2-е изд., перedel. и доп. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1895. 792 с.

субъектом, действующим от имени государства на своем отрезке процессуальной деятельности:

- органом расследования – при окончании предварительного расследования;
- прокурором – при окончании досудебного производства;
- судом – при окончании судебного производства.

Ориентируясь на обозначенные отрезки процессуальной деятельности и исходя из связи уголовного процесса с уголовным правом, в качестве целей уполномоченных органов и должностных лиц предлагаем обозначить и закрепить в тексте УПК РФ следующие:

1. Для органа расследования: установление обстоятельств противоправного деяния и его криминального либо некриминального характера.

2. Для прокурора: формирование и поддержание государственного обвинения в суде.

3. Для суда: установление наличия права государства на применение к обвиняемому мер уголовной ответственности.

Представленная система уголовно-процессуального целеполагания основана на четком размежевании частей уголовного процесса по наиболее объективному критерию – различиям в процессуальных статусах должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. К сожалению, действующий УПК РФ закрепляет такое размежевание лишь между досудебным и судебным производством, но не обеспечивает его, игнорируя различия, противоречия и законодательные пробелы, существующие внутри досудебного производства между органами расследования и прокурором. Решение обозначенной проблемы мы видим в выделении двух самостоятельных процессов внутри досудебного производства, но решение этой проблемы – предмет нового исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Академия Наук СССР, 1955. 384 с.
2. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Ленинградский университет, 1976. 143 с.
3. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту: Тартуский университет, 1991. 148 с.
4. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. 144 с.
5. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 257 с.
6. Макарова З.В. Цель уголовного процесса – истина // Проблемы права. 2015. № 1. С. 144–147. EDN: [TSKGJH](#).
7. Александров А.С., Власова С.В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 1. С. 53–63. EDN: [SBELEG](#).
8. Зинатуллин З.З. Проблемы уголовного процесса России: статьи и рецензии разных лет. Ижевск: Деятель-информ, 2008. 283 с.
9. Топчиева Т.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. 130 с.
10. Царева Ю.В., Салеева Ю.Е. Правомерность осуществления оперативно-розыскных мероприятий как безусловная гарантия достижения целей уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 56–62. EDN: [ZGQWLS](#).
11. Колесник В.В. Цель уголовного процесса в концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом // Алтайский юридический вестник. 2021. № 3. С. 132–138. EDN: [FLXSKY](#).
12. Михайлов В.А. Понятие, цели и задачи предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2015. № 3. С. 110–117. EDN: [WAAANT](#).
13. Иванов В.И. Исследование назначения, целей и задач уголовного процесса системным методом // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 142–151. DOI: [10.17803/1994-1471.2021.125.4.142-151](#).
14. Аверин А.В. Правосудие – это применение содержания права, а не применение его формы // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 228–235. DOI: [10.24412/1608-8794-2021-3-228-235](#).
15. Лазарева В.А. Взаимодействие следователя, руководителя следственного органа и прокурора при возбуждении и осуществлении уголовного преследования // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 2. С. 41–48. DOI: [10.15688/pc.jvolsu.2021.2.6](#).
16. Россинский С.Б. Обвинительное заключение: процессуальное предназначение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 35–41. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-3-35-41](#).
17. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2019. 192 с.

REFERENCES

1. Strogovich M.S. *Materialnaya istina i sudebnye dokazatelstva v sovetskom ugovnom protsesse* [Substantive truth and judicial evidence in Soviet criminal procedure]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1955. 384 p.
2. Elkind P.S. *Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom ugovno-protsessualnom prave* [Goals and means towards them in Soviet criminal procedure law]. Leningrad, Leningradskiy universitet Publ., 1976. 143 p.
3. Mizulina E.B. *Ugovolnyy protsess: kontseptsiya samoogranicheniya gosudarstva* [Criminal procedure as a means of self-restraint of the state]. Tartu, Tartuskiy universitet Publ., 1991. 148 p.
4. Mikhaylovskaya I.B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessualnaya forma)* [Goals, functions and principles of Russian criminal justice (criminal procedural form)]. Moscow, Prospekt Publ., 2003. 144 p.
5. Barabash A.S. *Priroda rossiyskogo ugovnogo protsessa, tseli ugovno-protsessualnoy deyatelnosti i ikh*

- ustanovlenie* [The nature of Russian criminal procedure, goals of criminal procedure activities and their setting]. Sankt Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 257 p.
6. Makarova Z.V. The purpose of criminal proceedings is the truth. *Problemy prava*, 2015, no. 1, pp. 144–147. EDN: [TSKGJH](#).
 7. Aleksandrov A.S., Vlasova S.V. Anti-dogmatic: a new understanding of the criminal process and law. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 53–63. EDN: [SBELEG](#).
 8. Zinatullin Z.Z. *Problemy ugovolnogo protsesssa Rossii: stati i retsenzii raznykh let* [Problems of the criminal process in Russia: collection of articles]. Izhevsk, Detektiv-inform Publ., 2008. 283 p.
 9. Topchieva T.V. *Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v rossiyskom ugovolnom protsesse* [Pre-trial cooperation agreement in Russian criminal procedure]. Barnaul, BYuI MVD Rossii Publ., 2015. 130 p.
 10. Tsareva Yu.V., Saleeva Yu.E. Legality of implementation operational-search measures as an unconditional guarantee of achieving the goals of criminal proceedings. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 56–62. EDN: [ZGQWLS](#).
 11. Kolesnik V.V. Purpose of criminal proceedings in the concept of encouraging participants in criminal proceedings to cooperate with preliminary investigation bodies and the court. *Altayskiy yuridicheskii vestnik*, 2021, no. 3, pp. 132–138. EDN: [FLXSKY](#).
 12. Mikhaylov V.A. The concept, goals and objectives of preliminary investigation in criminal court proceedings of the Russian Federation. *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan*, 2015, no. 3, pp. 110–117. EDN: [WAAANT](#).
 13. Ivanov V.I. Investigation of the purpose, goals and objectives of the criminal procedure by means of systemic approach. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 142–151. DOI: [10.17803/1994-1471.2021.125.4.142-151](#).
 14. Averin A.V. Justice – this is the application of the right of law, not the use of its form. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, 2021, no. 3, pp. 228–235. DOI: [10.24412/1608-8794-2021-3-228-235](#).
 15. Lazareva V.A. The interaction of the investigator, the head of the investigative body and the prosecutor in the initiation and implementation of criminal prosecution. *Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 41–48. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2021.2.6](#).
 16. Rossinskiy S.B. Indictment: procedural purpose. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 35–41. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-3-35-41](#).
 17. Sheyfer S.A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoy, sudebnoy i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of the investigative, judicial and prosecutorial authorities]. Moscow, Norma Publ., 2019. 192 p.

On the goal-setting system in the Russian criminal procedure

© 2023

Ivan L. Vershinin*, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

Rodion O. Kozhevnikov, postgraduate student

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

*E-mail: iv.vershinin2015@yandex.ru

Received 03.11.2023

Accepted 11.12.2023

Abstract: The paper presents a study of the problem of determining the criminal procedure goals in relation to modern Russian criminal proceedings. The authors summarized the concepts, views, and approaches to determining the goals of criminal procedure (criminal proceedings) historical types presented in criminal procedure science. The authors applied the results obtained to the current model of the Russian criminal procedure and carried out a functional analysis of procedural activities separately in pre-trial and court proceedings focusing on powers of officials carrying out criminal proceedings. When searching and formulating goals for each part of court proceedings, the authors relied on the characterization of the goal as a hypothetical form of completing the process determined by the powers of the head of the procedure and the relation of the criminal procedure with criminal law. The study shows that attempts to formulate a single goal of a criminal procedure organized according to a mixed type are initially doomed to failure due to the fundamental differences between pre-trial and court proceedings. The authors propose distinguishing in the Russian criminal procedure (criminal proceedings) not one, but several goals determined by the characteristics of separate stages of procedural activity: the goals the investigator (inquiry officer) faces during the preliminary investigation; the goals the prosecutor faces during criminal prosecution; and the justice goals ensured by the court. The proposed goal-setting system of the Russian criminal procedure is based on an objective criterion – functional differences in the procedural statuses of officials conducting criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure goals; pre-trial proceedings; court proceedings; preliminary investigation goal; criminal prosecution goal; justice goal.

For citation: Vershinin I.L., Kozhevnikov R.O. On the goal-setting system in the Russian criminal procedure. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 4, pp. 5–12. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-4-5-12](#).

Понятие приобретательной давности как субинститута гражданского права

© 2023

Дулгер Артем Вячеславович, старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права», адвокат-партнер АБ СО «Хальченко и партнеры»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: a.dulger@tltsu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8695-8259>

Поступила в редакцию 27.10.2023

Принята к публикации 26.12.2023

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению понятия приобретательной давности в качестве субинститута института права собственности гражданского права. Порядок реализации субинститута приведен в ст. 234 ГК РФ. На основе анализа проблем правоприменительной практики относительно ст. 234 ГК РФ по требованиям о признании права собственности в силу приобретательной давности, а также с учетом разъяснений Верховного и Конституционного судов РФ предложено сформировать единое определение рассматриваемого субинститута. После принятия КС РФ «поворотного» постановления от 26.11.2020 № 48-П по вопросам приобретательной давности, имеющего общеобязательный характер и отвечающего на множество проблемных вопросов в правоприменительной практике ст. 234 ГК РФ, количество судебных дел, как и положительных судебных актов в пользу истцов, существенно выросло. Это свидетельствует о повышенном интересе к субинституту и его применению. Однако на уровне практики и юридической науки понятие приобретательной давности к единой формулировке не приведено, в связи с чем предложено новое определение субинститута: «Приобретательная давность – субинститут гражданского права, состоящий из норм права, регулирующих особенности приобретения права собственности на имущество лицом, которое, не являясь его титульным собственником и не имея иных оснований для этого, завладело им правомерными действиями и в течение установленного срока добросовестно, открыто и непрерывно им пользовалось».

Ключевые слова: субинститут гражданского права; толкование права; приобретательная давность; давностное владение.

Для цитирования: Дулгер А.В. Понятие приобретательной давности как субинститута гражданского права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 13–18. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-4-13-18.

ВВЕДЕНИЕ

В российском гражданском законодательстве в составе института права собственности сформирован субинститут приобретательной давности, который регулирует общественные отношения, касающиеся признания права собственности на имущество при соблюдении условий, изложенных в ст. 234 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Наиболее активно указанная норма применяется для признания права собственности на земельные участки и иное недвижимое имущество. Наибольшее количество судебных споров, основанием которых является давностное владение, связано именно с землей. Реализация указанных норм одновременно отвечает нескольким целям: обеспечивает сохранность земельных участков, не допуская их бесхозности; закрепляет имущественные права заинтересованного лица; дает возможность законно совершать сделки в отношении такого имущества; возвращает имущество в гражданский оборот; способствует фискальным целям государственной налоговой политики.

До 2019 г. правоприменительная практика норм о приобретательной давности складывалась негативно: подавляющая часть судебных актов завершалась резолю-

тивной частью с формулировкой об отказе лицам, обратившимся за признанием права собственности на землю в порядке приобретательной давности, в их требованиях. В исключительных случаях дела доходили до второй кассации Верховного суда РФ (далее – ВС РФ). Несмотря на наличие разъяснений от ВС РФ, региональные суды зачастую не принимали их во внимание, поскольку судебные акты ВС РФ не имеют общеобязательного характера. Суды хаотично и крайне субъективно определяли условия реализации ст. 234 ГК РФ, следствием чего стало неэффективное применение нормы [1]. Например, одним из доводов отказа в удовлетворении требований в судебных актах указывалось, что истец не может быть признан добросовестным владельцем, так как на протяжении 15 лет не интересовался судьбой участка и основанием для владения им.

Анализ научных публикаций (с учетом изданных после 2019 г.), связанных с приобретательной давностью, позволил сделать вывод о недостаточном количестве исследований по данному вопросу.

Во-первых, в основе научного интереса оставлены правоприменительные проблемы и причины неработоспособности нормы. Во-вторых, никто не акцентировал внимание на том, что приобретательная давность является субинститутом гражданского права в составе

института права собственности. Более того, приобретательная давность везде упоминается именно как институт гражданского права [2; 3]. И сам автор данной статьи неосознанно в ранее опубликованной научной статье применительно к приобретательной давности использовал термин «институт» [4]. В-третьих, не выработано единого понятия приобретательной давности как субинститута.

Указанные факторы обосновывают актуальность нового исследования, которое невозможно провести в полной мере без обращения к ранее сформулированным позициям. Необходимо вновь обратить внимание на правоприменительные проблемы, чтобы с помощью путей их решения определить оптимальное и верное определение субинститута.

Возвращаясь к анализу научных работ, условно выделим три этапа развития научной мысли.

Первый этап – период с 2009 по 2015 г. На данный этап приходится наибольшее количество публикаций. Однако основная мысль в них – общее описание субинститута [5] без конкретных предложений по формулировке понятия. Приводятся общие доводы о пробелах в практике, которые не позволяют применять норму должным образом.

Второй этап – период с 2016 по 2020 г. Особенность данного периода заключается в том, что авторы научных работ уделяли большее внимание правоприменительным проблемам и предлагали различные способы их решения. Предпринимались попытки разрешить все дискуссии раз и навсегда. В качестве основной проблемы в правоприменении приводилось неоднозначное толкование нормы в постановлении Пленума ВС РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [6]. Проблема связана с субъективной оценкой судьями одного из условий приобретательной давности – добросовестности давностного владения.

Третий этап – период с 2020 г. по настоящее время, связанный с принятием Конституционным судом РФ (далее – КС РФ) постановления от 26.11.2020 № 48-П по вопросам приобретательной давности. В нем КС РФ дает детальное толкование условия добросовестного владения, что устраняет предвзятую субъективную оценку. Вместе с тем субинститут остается неизученным, а КС РФ не предлагает определения субинститута, ограничившись толкованием его отдельного условия. Узкоспециализированных научных работ, обосновывающих приобретательную давность как институт либо субинститут, не обнаружено. Этим возобновляется актуальность исследований, посвященных базовым понятиям «институт» и «субинститут» в гражданском праве.

Цель исследования – сформулировать понятие приобретательной давности как субинститута института права собственности гражданского права.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в несколько этапов:

- 1) проанализированы положения ст. 234 ГК РФ;
- 2) проанализированы положения постановления Пленума ВС РФ и Президиума ВАС РФ от 29.04.2010 г. № 10/22;

3) проанализированы выводы КС РФ, изложенные в постановлении от 26.11.2020 № 48-П;

4) проанализированы судебные акты федеральных судов общей юрисдикции первой инстанции на территории г. Тольятти Самарской области по спорам, связанным с применением ст. 234 ГК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Субинститут гражданского права

Из результатов анализа научных публикаций следует, что вопрос отнесения приобретательной давности к институту либо субинституту гражданского права ранее не рассматривался. Равным образом не доказано, что приобретательная давность является институтом гражданского права.

Правовой институт характеризуется наличием некоторых обязательных признаков: однородностью регулируемой сферы общественных отношений; самостоятельным предметом правового регулирования; единой функцией; наличием норм, сходно регулирующих данное отношение; юридическим единством норм и др. [7]. Субинститут соотносится с институтом как частное и общее, субинститутом можно именовать одну норму или небольшую их совокупность, устанавливающую отличия от иных похожих норм.

Рассмотренные выше научные публикации в большинстве своем анализируют отдельные признаки основания приобретательной давности. Однако в них прослеживается ее упоминание в качестве института, хотя она таковой не является. Об этом свидетельствуют слова из положений ст. 234 ГК РФ: «...приобретает право собственности на это имущество». Таким образом, приобретательную давность при наличии перечисленных условий можно воспринимать как основание для приобретения права собственности. Отметим, что в правоприменительной практике надлежащими способами защиты в таком случае являются признание права и судебная защита прав. Из того, что норма ст. 234 ГК РФ устанавливает порядок признания права собственности, т. е. одного из разновидностей гражданского права, следует, что приобретательная давность является субинститутом права собственности гражданского права.

Конфликт норм Земельного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ

Ряд авторов связывают пробелы в правоприменении нормы о давностном владении недвижимым имуществом с недостаточным урегулированием земельного законодательства, в котором следует расширительно дополнить нормы о приобретательной давности [8]. В целях достижения единого подхода в правоприменительной практике возможно сформулировать перечень оснований давностного приобретения недвижимого имущества, находящегося в частной собственности [9].

В похожем направлении ориентировано предложение существенно дополнить Земельный кодекс РФ. Необходимо закрепить позиции, изложенные в упомянутом совместном постановлении Пленума ВС РФ и Президиума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22, указать на случаи, не относящиеся к приобретательной давности,

при которых неизбежно наступает юридическая ответственность, связанная с samozахватом земельного участка [9]. Предлагается прямо закрепить в Земельном кодексе РФ право на реализацию института приобретательной давности в отношении земельных участков. При этом следует детально указать виды собственности и категории земель, в отношении которых возможно давностное владение. А с учетом принципа единства судьбы земельного участка и связанных с ним объектов была бы возможной приобретательная давность земельных участков в пользу лиц, являющихся собственниками строений на этих участках.

Общая характеристика вышеперечисленных предложений о реформировании норм о приобретательной давности как в гражданском праве, так и в земельном соответствует позиции, что приобретательная давность должна быть связана именно с отсутствием титула при владении земельным участком при условии, что это владение не стало результатом противоправных действий. Лицо, требующее установить за ним право собственности по давности владения, не должно и не могло знать о такой противоправности [10]. Акцентируется внимание на конфликте норм Земельного кодекса РФ, устанавливающих процедуры приобретения права собственности, с нормами ГК РФ о приобретательной давности. Позиция о давностном владении отмечается как последняя возможность граждан, которые не могут подтвердить свои права на землю, зарегистрировать их [11].

На уровне региональных судов также отмечается новый подход к рассмотрению дел о предмете права собственности на земельные участки на основании приобретательной давности. Суды фактически проверяют, обращался ли истец ранее в орган местного самоуправления с заявлением о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно, каков итог рассмотрения заявления, обжаловался ли отказ органа местного самоуправления в удовлетворении заявления. Кроме того, суды выясняют, не выдавался ли ранее истцу какой-либо другой земельный участок в собственность бесплатно. На текущий момент причины такой проверки остаются неясными. Можно предположить, что они как раз и связаны с конфликтом правоприменения норм ГК РФ и Земельного кодекса РФ.

Проблемы применения приобретательной давности и толкования ее условий

Одной из причин неработоспособности нормы о приобретательной давности можно указать относительно недавнее закрепление права на частную собственность – в 1991 г. В связи с этим граждане не увидели актуальности в субинституте приобретательной давности, а практика не сформировалась. Однако данный вывод был актуален до 2020 г., когда КС РФ принял упомянутое постановление по вопросам приобретательной давности.

Другая точка зрения связана с ограниченными возможностями применения нормы в отношении имущества, бывшего из государственной и муниципальной собственности, но имеющего титульного (частного) собственника [12]. Здесь необходимо отметить, что признание права собственности в силу приобретательной давности невозможно применить в отношении имущества, которое находилось ранее и находится на момент такого требования в государственной муници-

пальной собственности [13]. Давностное владение возможно в отношении бесхозного недвижимого имущества, на которое распространяется презумпция государственной собственности. Приобретательная давность возможна также в отношении имущества, права на которое не перешли в силу пороков сделки.

Встречаются и совершенно неожиданные точки зрения относительно правового смысла приобретательной давности: «в таком виде, в каком он действует ныне, институт приобретательной давности по указанным причинам фактически защищает в большей степени недобросовестных, чем добросовестных лиц» [14, с. 457]. Стоит отметить, что в данной работе приобретательная давность также упоминается как институт гражданского права.

Анализ судебных решений по рассматриваемому вопросу позволил сделать вывод, что, как правило, возникающие споры односторонние. С одной стороны выступает лицо, которое путем применения ст. 234 ГК РФ закрепляет фактически сложившееся положение. С другой – орган местного самоуправления, поскольку его привлечение к рассмотрению данной категории дела является обязательным в силу презумпции муниципальной/государственной собственности. Оснований утверждать о случаях применения ст. 234 ГК РФ в рейдерских целях в настоящее время не обнаружено [14].

Представляется обоснованным мнение, описывающее приобретательную давность как технико-юридический прием достижения правовой определенности для имущества и для давностного владельца [15]. Некоторые авторы указывают на возможность применения норм о приобретательной давности в случае, когда лицо пользовалось имуществом на основании договора и после его истечения продолжило пользоваться им. При этом подчеркивается важность бездействия титульного собственника, отсутствие от него претензий и интереса к имуществу [16]. Существует и противоположная позиция: для давностного владения обязательно отсутствие связи с каким-либо титулом, т. е. владение имуществом в отсутствие договорных правоотношений с ее собственником. В данном случае имеются в виду правомочия пользования, владения и распоряжения [17].

Об одном из оснований давностного владения, добросовестности, опубликовано достаточное количество научных работ. Позиции в его понимании в целом совпадают с положениями упомянутого постановления КС РФ. О добросовестности приобретателя возможно вести речь в случае, если оно приобрело имущество у лица, у которого отсутствуют соответствующие полномочия. При этом приобретатель не знает и не может знать об этом даже при соблюдении мер должной осмотрительности. Это требование должно быть соблюдено на момент совершения сделки. Если указанные факты станут известны приобретателю после сделки, возможность давностного приобретения сохраняется [18]. Выдвигались также идеи уменьшить срок возникновения права собственности на основании давностного владения: для недвижимого имущества – до 10 лет, для иного имущества – до 3 лет [19].

Даже в случае, когда давностный владелец должен был знать, что у него отсутствуют законные основания для возникновения права собственности, он не лишается права на надлежащее оформление своего права собственности на участок. В основе этих выводов определения

ВС РФ от 27.01.2015 № 127-КГ14-9, от 20.03.2018 № 5-КГ18-3, от 17.09.2019 № 78-КГ19-29, от 22.10.2019 № 4-КГ19-55, от 2.06.2020 № 4-КГ20-16.

По вопросу оценочного критерия добросовестности Конституционный суд исправил неопределенность в правоприменении, сложившуюся в связи с неоднозначным постановлением Пленума ВС РФ и Президиума ВАС РФ от 29.04.2010 г. № 10/22. Характеристика добросовестного давностного владения подразумевает в том числе, что начало владения не является противоправным, т. е. совершено внешне правомерными действиями. Сам давностный владелец необязательно должен понимать, имеет ли он основания считать себя собственником имущества в соответствии с законом или нет.

Поскольку приобретательная давность возможна в отношении бесхозного или брошенного имущества, не имеет значения поведение предыдущего, т. е. титульного собственника. Неважно, совершил ли он активные действия, свидетельствующие об отказе от имущества. Достаточно самого факта, что он не исполняет свои обязанности в отношении имущества. Например, в отношении земельного участка не регистрирует право собственности, не уплачивает налоги, не исполняет другие обязанности в соответствии с Земельным кодексом РФ. Аналогичные выводы возможно распространить на иные виды имущества: если прежний собственник давно устранился от владения имуществом, можно заключить, что оно брошено.

Не препятствует признанию права на рассматриваемом основании презумпция государственной собственности на землю – она не должна ставить частных лиц в невыгодное положение по сравнению с публично-правовыми образованиями. В основе данного вывода стоит принцип равенства субъектов гражданского права.

Если лицо продолжает пользоваться имуществом после истечения срока действия какого-либо договора с титульным собственником, о наличии оснований для признания права на него в силу приобретательной давности утверждать категорически нельзя. При наличии договорных отношений новый владелец не заменяет прежнего, а осуществляет владение вместе с титульным собственником. Вместе с тем в судебной практике до настоящего момента не сформирована единая позиция по данному основанию.

Вариант 1. Применимы ли положения о давнем владении, если недвижимость приобретена у титульного собственника по порочной сделке, например при несоблюдении формы договора?

Вариант 2. Аналогичный вопрос, если недвижимость наследуется, однако в связи с ошибкой в договоре-основании (по которому наследодатель приобрел право на недвижимость) и в технических паспортах права на него не были зарегистрированы, в связи с чем суд отказывает наследнику в признании права собственности в порядке наследования.

Определение приобретательной давности

Из толкования ст. 234 ГК РФ, разъяснений Пленума ВС РФ и Президиума ВАС РФ от 29.04.2010 г. № 10/22, постановления КС РФ следует, что в предмет доказывания по требованиям о признании права собственности на основании приобретательной давности входят следующие обстоятельства:

- 1) лицо не является собственником используемого имущества;
- 2) добросовестность владения;
- 3) открытость владения;
- 4) непрерывность владения;
- 5) длительность владения (более 15 лет для недвижимого имущества);
- 6) отсутствуют иные основания для признания права собственности.

Возвращаясь к анализу научных работ, из числа которых всего лишь в единственной предлагается определение приобретательной давности, обратим внимание на предлагаемый вариант. Из его формулировки следует, что под приобретательной давностью понимается «срок, по истечении которого возникает у его фактического владельца право собственности на имущество, и, одновременно, одно из оснований приобретения права собственности в гражданском праве» [20, с. 146].

В предложенном варианте приобретательную давность усеченно характеризуют лишь одним из ее признаков – сроком владения. Можно согласиться с автором данного определения в части того, что давностное владение – основание для приобретения права собственности. Но данная формулировка не отражает субинститут в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на приведенных выше рассуждениях и выводах, предлагаем следующее определение.

Приобретательная давность – субинститут гражданского права, состоящий из норм права, регулирующих особенности приобретения права собственности на имущество лицом, которое, не являясь его титульным собственником и не имея иных оснований для этого, завладело им правомерными действиями и в течение установленного срока добросовестно, открыто и непрерывно им пользовалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хилобок Н. Приобретательная давность в отношении земельных участков: проблемы правоприменения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 1. С. 116–119. EDN: [WHPPYV](#).
2. Лахин Д.Н. К вопросу о толковании добросовестности как условия приобретательной давности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 152–154. DOI: [10.47643/1815-1337_2023_2_152](#).
3. Тарарышкина И.С. Приобретательная давность как субъективно-объективное основание приобретения права собственности // Аграрное и земельное право. 2023. № 4. С. 146–148. EDN: [KDDQJN](#).
4. Дулгер А.В. Роль Конституционного суда РФ в толковании норм о приобретательной давности земельных участков // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4. С. 5–10. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-4-5-10](#).
5. Суханов Е.А. Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности и новый Гражданский кодекс // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. М.: Международный

- центр финансово-экономического развития, 1998. С. 214–215.
6. Стародумова С.Ю. Неэффективность применения норм о приобретательной давности как основания возникновения вещных прав // *Нотариус*. 2013. № 5. С. 25–30. EDN: [RADARR](#).
 7. Джалилов Э.А. Юридическая ответственность в сфере интеллектуальной собственности как межотраслевой институт права // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2015. № 1. С. 108–110. EDN: [TMEOZZ](#).
 8. Устюкова В.В. Возникновение права собственности на землю в порядке приобретательной давности // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2015. № 1. С. 74–86. EDN: [TXPARF](#).
 9. Елисеева И.В. Приобретение права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2012. № 1. С. 118–121. EDN: [PBLQIX](#).
 10. Герасимов А.В. К вопросу о приобретательной давности в свете новелл гражданского законодательства // *Общество и право*. 2020. № 3. С. 136–139. EDN: [THPBGD](#).
 11. Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Правовое регулирование бесплатного предоставления земельных участков как проявление социальной функции Российского государства // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2023. № 3. С. 88–94. EDN: [PNOFED](#).
 12. Руденко А.В., Городулина К.О. Вопрос применения положений о приобретательной давности: теоретический и практический // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2021. Т. 7. № 2. С. 323–327. EDN: [ZYVUDT](#).
 13. Аблятипова Н.А., Кравцова А.А. Проблемы применения механизма приобретательной давности к бесхозяйным недвижимым вещам // *Вопросы российского и международного права*. 2018. Т. 8. № 4А. С. 65–72. EDN: [XWCDSF](#).
 14. Рыжик А.В. Охрана интересов собственников и фактических владельцев // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 7. С. 457–461. EDN: [AWTMVD](#).
 15. Поляков С.Б. Изменение законодательства судебным правотворчеством // *Юридическая техника*. 2023. № 17. С. 132–139. EDN: [IKKXYW](#).
 16. Ефимова О.В., Яковенко Д.В. Некоторые правовые проблемы возникновения права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки*. 2009. № 1. С. 94–98. EDN: [MLKCFJ](#).
 17. Польшкова Е. Проблемы признания права частной собственности на земельные участки в силу приобретательной давности // *Хозяйство и право*. 2007. № 7. С. 74–81. EDN: [IAMFTZ](#).
 18. Пархоменко Д.В., Горбунова О.А. Приобретение прав на земельный участок на основании приобретательной давности в геоинформационном аспекте // *Регулирование земельно-имущественных отношений в России: правовое и геопространственное обеспечение, оценка недвижимости, экология, технологические решения*. 2021. № 3. С. 46–50. DOI: [10.33764/2687-041X-2021-3-46-50](#).
 19. Бабков Д.И. Характеристика элементов приобретательной давности в свете необходимости дальнейшего реформирования института // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 4. С. 102–104. DOI: [10.47643/1815-1337_2022_4_102](#).
 20. Несмеянова И.А. Приобретательная давность: законодательство и судебная практика // *Образование и право*. 2019. № 5. С. 146–158. EDN: [HPAIRS](#).

REFERENCES

1. Khilobok N. Acquisitive prescription relating land plots, the problems of law enforcement. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2016, no. 1, pp. 116–119. EDN: [WHPPYV](#).
2. Lakhin D.N. On the question of the interpretation of good faith as a condition of acquisition limitation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2023, no. 2, pp. 152–154. DOI: [10.47643/1815-1337_2023_2_152](#).
3. Tararyshkina I.S. Acquisition prescription as a subjective and objective basis for the acquisition of property rights. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*, 2023, no. 4, pp. 146–148. EDN: [KDDQJN](#).
4. Dulger A.V. The role of the constitutional court of the russian federation in the interpretation of rules on acquisition prescription of land plots. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2021, no. 4, pp. 5–10. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-4-5-10](#).
5. Sukhanov E.A. Problems of legal regulation of public property relations and the new Civil Code. *Grazhdanskiy kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika*. Moscow, Mezhdunarodnyy tsentr finansovo-ekonomicheskogo razvitiya Publ., 1998, pp. 214–215.
6. Starodumova S.Yu. Inefficiency of application of norms on usucaption as a ground for arising of property rights. *Notarius*, 2013, no. 5, pp. 25–30. EDN: [RADARR](#).
7. Dzhaliilov E.A. Legal liability in intellectual property rights as the interdisciplinary law institution. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 1, pp. 108–110. EDN: [TMEOZZ](#).
8. Ustyukova V.V. The emergence of land ownership in the order of acquisitive prescription. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2015, no. 1, pp. 74–86. EDN: [TXPARF](#).
9. Eliseeva I.V. Acquisition of property of the ground area in terms of acquisitive prescription. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki*, 2012, no. 1, pp. 118–121. EDN: [PBLQIX](#).
10. Gerasimov A.V. To the question of acquisitive prescription in the light of novells of civil law. *Obshchestvo i pravo*, 2020, no. 3, pp. 136–139. EDN: [THPBGD](#).
11. Anisimov A.P., Isakova Yu.I., Pratsko G.S. Legal regulation of free provision of land plots as a manifestation of the social function of the Russian state. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossi*, 2023, no. 3, pp. 88–94. EDN: [PNOFED](#).
12. Rudenko A.V., Gorodulina K.O. The question of application of preservation provisions: theoretical and practical aspects. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2021, no. 2, pp. 323–327. EDN: [ZYVUDT](#).

- nauki*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 323–327. EDN: [ZYVUDI](#).
13. Ablyatipova N.A., Kravtsova A.A. Problems of application of the mechanism of prescription to ownerless immovable things. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2018, vol. 8, no. 4A, pp. 65–72. EDN: [XWCDSF](#).
14. Ryzhik A.V. Protection of the interests of owners and actual owners. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2023, no. 7, pp. 457–461. EDN: [AWTMVD](#).
15. Polyakov S.B. Alteration of legislation caused by judicial lawmaking. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2023, no. 17, pp. 132–139. EDN: [IKKXYW](#).
16. Efimova O.V., Yakovenko D.V. Some legal problems in the accrual of land plot ownership by acquisitive prescription. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2009, no. 1, pp. 94–98. EDN: [MLKCFJ](#).
17. Polynkova E. The problems of recognition of property right for land plots upon acquisitive prescription. *Khozyaystvo i pravo*, 2007, no. 7, pp. 74–81. EDN: [IAMFTZ](#).
18. Parkhomenko D.V., Gorbunova O.A. Geoinformation aspect of land plot rights acquisition based upon the acquisitive prescription. *Regulirovanie zemelno-imuschestvennykh otnosheniy v Rossii: pravovoe i geoprostranstvennoe obespechenie, otsenka nedvizhimosti, ekologiya, tekhnologicheskie resheniya*, 2021, no. 3, pp. 46–50. DOI: [10.33764/2687-041X-2021-3-46-50](#).
19. Babkov D.I. Characteristics of the elements of the acquisition prescription in the light of the need for further reform of the institute. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2022, no. 4, pp. 102–104. DOI: [10.47643/1815-1337_2022_4_102](#).
20. Nesmeyanova I.A. Acquisitive prescription: legislation and judicial practice. *Obrazovanie i pravo*, 2019, no. 5, pp. 146–158. EDN: [HPAIRS](#).

The concept of acquisitive prescription as a civil law substitution

© 2023

Artem V. Dulger, senior lecturer of Chair “Theory and History of State and Law”,
attorney partner at Khalchenko and Partners Lawyers’ office, Samara Region

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: a.dulger@titsu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8695-8259>

Received 27.10.2023

Accepted 26.12.2023

Abstract: The paper considers the concept of acquisitive prescription as a substitution of the civil law propriety institution. The procedure for implementing the substitution is given in Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the problems of law enforcement practice regarding Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation on the requirements for declaration of proprietary rights due to acquisitive prescription, and taking into account the explanations of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation, the author proposes to form a single definition for the substitution in question. After the adoption of the “pivotal” resolution of November 26, 2020 No. 48-P by the Constitutional Court of the Russian Federation on the issues of acquisitive prescription, which has a universally binding nature and answers many problematic issues in law enforcement practice of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation, the number of court cases and positive judicial acts in plaintiff’s favor has increased significantly. This indicates an increased interest in the substitution and its application. However, at the level of practice and legal science, the concept of acquisitive prescription has not been brought to a single formulation. Therefore, the author proposed a new definition for the substitution: “Acquisitive prescription is a civil law sub-institution consisting of legal rules governing the specifics of the acquisition of ownership by a person who, not being its title owner and having no other grounds for this, gained possession of it by lawful actions and used it faithfully, openly and uninterruptedly within an established period”.

Keywords: civil law substitution; interpretation of law; acquisitive prescription; prescriptive possession.

For citation: Dulger A.V. The concept of acquisitive prescription as a civil law substitution. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 4, pp. 13–18. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-4-13-18](#).

Между следствием и судом: действия и решения прокурора по окончании расследования как завершающий этап досудебного производства

© 2023

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: lazareva.va@ssau.ru,
v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Поступила в редакцию 15.09.2023

Принята к публикации 25.10.2023

Аннотация: В статье исследуются сущность и значение уголовно-процессуальной деятельности прокурора по окончании предварительного расследования как особого этапа досудебного производства по уголовному делу, отличающегося от предварительного расследования своим субъектным составом, реализуемыми задачами, специфическими формами деятельности и правоотношениями, итоговыми процессуальными решениями. Анализируется процесс трансформации обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) из документа, завершающего предварительное расследование и подводящего его итоги, в документ, устанавливающий границы, т. е. предмет и пределы предстоящего судебного разбирательства. Рассматривается уголовно-процессуальное значение акта утверждения прокурором обвинительного заключения (акта, постановления). В результате исследования формулируются и обосновываются выводы об окончании досудебного производства как самостоятельной, третьей в досудебном производстве, стадии уголовного процесса, имеющей собственные границы (начало и окончание), специфические цели и задачи, ответственного субъекта деятельности и особое итоговое процессуальное решение многоаспектного значения. Утверждение прокурором обвинительного заключения (акта, постановления) означает: а) согласие прокурора с результатами предварительного расследования; б) окончание досудебного производства; в) переход уголовного дела в следующую – судебную стадию уголовного процесса; г) переход обязанности доказывания от субъекта (органа) предварительного расследования к возглавляющему обвинительную власть прокурору; д) возникновение государственного обвинения как уголовно-правовой претензии государства к обвиняемому. Содержащиеся в статье предложения определяют перспективы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального закона и повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности путем более четкого разграничения ответственности за достигнутые результаты между органами предварительного расследования и прокурором.

Ключевые слова: досудебное производство; окончание досудебного производства; прокурор; государственное обвинение; обвинительное заключение (акт, постановление); окончание предварительного расследования; стадии уголовного процесса; предмет и пределы судебного разбирательства.

Для цитирования: Лазарева В.А. Между следствием и судом: действия и решения прокурора по окончании расследования как завершающий этап досудебного производства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 19–26. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-4-19-26.

ВВЕДЕНИЕ

Стимулом к исследованию относительно небольшого по времени этапа уголовно-процессуальной деятельности между окончанием предварительного расследования и началом судебного производства послужила опубликованная в предыдущем номере журнала статья профессора С.Б. Россинского, посвященная обвинительному заключению. Сведя значение обвинительного заключения к подведению итогов предварительного следствия и «окончательному признанию его результатов пригодными для судебного рассмотрения по существу», совпадающему с моментом «формального завершения досудебного производства» и прекращения «всех правоотношений, свойственных этому этапу уголовно-процессуальной деятельности» [1], автор статьи спровоцировал актуализацию вопроса о субъекте и моменте формирования государственного обвинения как предмета предстоящего судебного разбирательства,

а соответственно, и о юридическом значении того этапа уголовно-процессуальной деятельности, который начинается после составления обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) и направления его прокурору вместе с материалами уголовного дела.

Актуальность предпринимаемому исследованию придает также неопределенность в вопросе о моменте окончания предварительного расследования, поскольку Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) включает правовые нормы, регулирующие действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (гл. 31), обвинительным актом или обвинительным постановлением (ст. 226, 226.8), в раздел VIII «Предварительное расследование». При этом время, отведенное законом для совершения прокурором содержащихся в приведенных нормах действий и принятия им по поступившему делу решения, в срок

предварительного расследования, согласно ст. 162, ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ, не засчитывается.

Здесь следует заметить, что, хотя порядок исчисления срока (обычного) дознания, а точнее, момент его окончания, в отличие от сроков следствия и дознания в сокращенной форме, в УПК РФ четко не определен, мы имеем основания считать, что момент окончания срока, установленный входящей в гл. 22 ст. 162 (ч. 2) для следствия, применим и к дознанию, проводимому в общей форме, поскольку ч. 1 ст. 223 распространяет на дознание правила, предусмотренные в том числе гл. 22 УПК.

Кроме того, этап окончания досудебного производства по уголовному делу не ограничивается действиями, предшествующими принятию прокурором решения, и не исчерпывается действиями и решениями только прокурора (ч. 4 и 5 ст. 221, ч. 2–4 ст. 225, ч. 3–5 ст. 226, ст. 226.7 УПК РФ), на что в теории уголовного процесса почти не обращается внимание.

Неполнота и противоречивость правового регулирования действий прокурора после получения им уголовного дела с обвинительным заключением (актом, постановлением) побуждают к системному исследованию и осмыслению норм, регулирующих окончание досудебного производства.

Предметом исследования, таким образом, является совокупность правовых норм и теоретических положений, относящихся к тому этапу досудебного производства по уголовному делу, который следует за составлением обвинительного заключения (постановления, акта). Использование системно-структурного анализа и синтеза правовых явлений, формально-юридического, сравнительно-правового и исторического методов научного познания позволило четко обозначить момент окончания предварительного расследования, определить процессуальное значение действий и решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (актом, постановлением), сформулировать гипотезу об обособлении рассматриваемого этапа уголовно-процессуальной деятельности в отдельную, самостоятельную стадию досудебного производства по уголовному делу, имеющую собственные цели и задачи, специфический круг участников и итоговое процессуальное решение.

Цель исследования – определение роли и значения деятельности прокурора после окончания предварительного расследования и обосновании возможности рассмотрения данного этапа в качестве самостоятельной стадии досудебного производства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Определение момента окончания предварительного расследования

Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему к нему по окончании предварительного следствия или дознания, чаще всего рассматриваются в теории и воспринимаются на практике в контексте предварительного расследования как его итоговая часть. Надо сказать, для этого есть определенные, в том числе исторические, правовые основания. Первые советские уголовно-процессуальные кодексы (1922, 1923 гг.) стро-

гой системностью не обладали, поэтому обратим внимание сразу на УПК РСФСР (1960), в котором действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, вне зависимости от формы расследования рассматривались как его завершающий этап. Соответствующие этому этапу ст. 213–216 были включены в гл. 18 «Надзор прокурора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия», как структурный элемент раздела второго «Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие». Такое правовое регулирование было воспринято и новым УПК РФ.

Именно поэтому в науке уголовно-процессуального права действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему к нему с итоговым процессуальным актом, в течение длительного времени принято рассматривать в качестве последнего элемента окончания расследования¹, выделяемого в отдельный этап его системы [2], что подтверждается уже самими названиями² соответствующих научных работ [3].

Такое понимание рассматриваемой части уголовно-процессуальной деятельности сложилось не случайно. Прежние (советские) уголовно-процессуальные кодексы, определяя порядок движения уголовного дела, формировали представление о стадиях уголовного процесса, но не делили производство на досудебную и судебную части. Поэтому окончание досудебного этапа производства по делу о преступлении могло рассматриваться только как окончание стадии предварительного расследования; действия прокурора по окончании следствия и дознания, не входящие в структуру предварительного расследования, вне расследования в юридическом поле существовать не могли.

В законодательных актах советского периода окончание следствия ассоциируется с окончанием производства следственных действий по собиранию доказательств. В первоначальной редакции ст. 206 УПК РСФСР 1923 г. читаем: «Следователь направляет дело для предания обвиняемого суду *после того, как установлены: событие преступления, имя, отчество и фамилия виновного, его возраст, обстоятельства, дающие основание для предания обвиняемого суду* (здесь и далее, если иное не оговорено, курсив наш. – В. Л.), судимость, классовая принадлежность и социальное положение, место и время и мотивы совершения преступления, если установить их было возможно». В более поздней редакции ст. 206 эта мысль была выражена еще более четко: «*Признав* предварительное расследо-

¹ Рахунов Р.Д. Рассмотрение прокурором уголовного дела, представленного с обвинительным заключением // Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием: сборник материалов научно-практической конференции. М.: [б. и.], 1964. С. 123–133.

² Ляцев Д.В. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 24 с.

Кособродов В.М., Тагиров З.З. Проблемы правового регулирования полномочий прокурора на этапе окончания предварительного расследования // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: сборник статей X Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. С. 180–183.

вание законченным, а *добытые доказательства достаточными* для предания суду, производящий расследование обязан объявить об этом подследственному, разъяснить ему право на осмотр всего производства по делу, предоставить возможность такого осмотра и спросить, не желает ли он и чем именно дополнить расследование»³. Похожая формулировка содержится и в ст. 200 УПК 1960 г. «*Признав предварительное следствие законченным, а собранные доказательства достаточными для составления обвинительного заключения, следователь обязан* совершить перечисленные выше действия по обеспечению прав обвиняемого. В аналогичных выражениях описывались эти действия и в литературе [4; 5]: «Признав, что предварительное расследование закончено... следователь приступает к производству ряда действий, составляющих *содержание заключительного этапа расследования*» [6, с. 315]. В одном предложении, как видим, содержится два взаимоисключающих утверждения: 1) предварительное расследование закончено, но 2) действия, совершаемые после окончания расследования, почему-то считаются его частью.

Ч. 1 ст. 215 УПК РФ в этом отношении гораздо точнее: в отличие от предшествующих кодексов, она говорит не об окончании следствия, а об окончании следственных действий, т. е. об окончании собирания доказательств. Различение моментов окончания производства следственных действий и окончания предварительного следствия позволяет включить деятельность, которая следует за окончанием производства следственных действий (ч. 2–5 ст. 215, ст. 216–219), в структуру следствия, а значит, считать моментом его окончания составление обвинительного заключения [7], постановления о прекращении уголовного дела или постановления о передаче дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначения этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Логика такого решения очевидна – пока следователь не выполнил всех обязанностей, вытекающих из его решения о прекращении следственных действий, основанного на оценке достаточности собранных им доказательств, не составил процессуальный документ, констатирующий окончание расследования, и не направил дело с указанным документом прокурору, расследование не может считаться завершенным. В этом смысле, говоря о значении обвинительного заключения как акта подведения итогов предварительного следствия, С.Б. Россинский, конечно, прав.

В то же время встречающиеся иногда суждения о том, что, составляя обвинительное заключение, следователь принимает решение не только об окончании расследования, но и о направлении дела в суд [8],

не имеет под собой правовых оснований. Следователь, конечно, оценивает собранные им доказательства с точки зрения достаточности для составления обвинительного заключения, а значит, как пишет С.Б. Россинский, и для определения судебной перспективы дела, но решение о передаче дела на рассмотрение суда не входит в его компетенцию, превышает уровень его полномочий. Выражения типа «следователь направляет уголовное дело в суд через прокурора» [9, с. 431] являются бессмысленной попыткой поднять процессуальный статус следователя, поскольку уголовное дело ни при каких обстоятельствах не может попасть в суд, минуя прокурора.

Предварительное следствие, таким образом, заканчивается направлением прокурору обвинительного заключения, составлению которого предшествует выполнение ряда процессуальных действий, связанных с ознакомлением обвиняемого, потерпевшего и др. с материалами уголовного дела и разрешением их ходатайств. При производстве расследования в форме дознания порядок действий иной: составление обвинительного акта, постановления предшествует ознакомлению участников уголовного процесса с материалами дела, что объясняется статусом лица, в отношении которого ведется расследование. Обсуждение возможности иного решения этого вопроса, как и других недостатков правового регулирования процедуры окончания дознания, не входит в задачу настоящего исследования, однако и при существующих условиях дело не может быть передано прокурору, пока дознаватель не выполнит требований об ознакомлении с материалами дела обвиняемого, защитника и потерпевшего. Однако, вопреки мнению С.Б. Россинского [10, с. 18], досудебное производство не тождественно предварительному расследованию, поэтому составлением обвинительного заключения, обвинительного акта или постановления досудебное производство не заканчивается. По завершении расследования наступает тот самый этап, который формально-юридически отнесен к предварительному расследованию, но сроками данной стадии не охватывается. В связи с этим необходимо выяснить юридическую природу этого этапа.

Процессуальное значение деятельности прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением

Анализ положений законодательства, устанавливающих полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением; срок, в течение которого прокурор должен его рассмотреть (ч. 1, 1.1 ст. 221 УПК РФ); право прокурора возвратить уголовное дело для производства дополнительного расследования (п. 2 ч. 1 ст. 221); возможность обжалования следователем соответствующего постановления вышестоящему прокурору, включая Генерального прокурора РФ (ч. 4 ст. 221), а также сроки, установленные для обжалования постановлений прокурора и принятия решения вышестоящими прокурорами, позволяет признать правоту авторов, считающих рассматриваемый этап уголовно-процессуальной деятельности самостоятельной стадией уголовного процесса [11–14], входящей вместе с возбуждением уголовного дела и предварительным расследованием в структуру досудебного

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 года и с приложением постановлено-систематизированных материалов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. 136 с.

производства. Соответственно, наблюдается изменение названий публикаций, посвященных этому процессуальному этапу. В них деятельность прокурора ассоциируется уже не с окончанием предварительного расследования, а с окончанием досудебного производства (например, «Окончание предварительного расследования в системе *досудебного производства* по уголовным делам» [15]; «Процессуальная природа деятельности прокурора *при окончании досудебного производства*» [16]) как более широкого по содержанию понятия. Такое представление в целом соответствует понятию досудебного производства как одной из двух частей уголовного судопроизводства (п. 56 ст. 5 УПК РФ), которое начинается с получения сообщения о преступлении и длится *до направления прокурором уголовного дела в суд* для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5). Здесь мы считаем нужным обратить внимание на неточность используемых в ст. 5 формулировок. Во-первых, употребление в п. 56 понятия «уголовное судопроизводство» как аналога понятия «уголовный процесс» некорректно; во-вторых, предварительное расследование может быть окончено не только направлением прокурором дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9), но и другими решениями (ч. 2 ст. 162). Однако пока итоговое решение, в том числе о направлении дела в суд, не принято, досудебное производство не может считаться оконченным.

Субъектом принятия решения о направлении дела в суд является не следователь, а прокурор, так как именно его оценка законности произведенного расследования, правильности сформулированного следователем обвинительного тезиса и его юридической квалификации, достаточности для обоснования обвинения достоверных и законным способом полученных доказательств позволяет утвердить обвинительное заключение. С утверждением прокурором обвинительного заключения содержащееся в нем утверждение о совершении обвиняемым преступления обретает силу и значение государственного обвинения. Прокурор принимает на себя обязанность доказать его в предстоящем судебном разбирательстве и ответственность за выполнение этой обязанности. Подчеркнем, именно в этот момент и в этом документе, а не в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, как полагает профессор С.Б. Россинский, определяются объем, содержание и границы предстоящего разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции [17; 18], что, конечно, не исключает возможности изменения обвинения в суде, если этим не ухудшается положение обвиняемого.

Отвечая на возражения профессора В.С. Шадрина [19] против использования выражения «формирование государственного обвинения» [13] на том основании, что при утверждении прокурором обвинительного заключения никакого формирования в смысле «создания, составления, придания формы» не происходит, заметим, что в Толковом словаре С.И. Ожегова, на который ссылается ученый, упоминается и о таком значении понятия «формировать», как «придавать законченность», а именно это и делает прокурор, придавая процессуальному документу, составленному и подписанному следователем, силу и значение исходящего от государства, т. е. государственного, обвинения. Утверждение – может быть, и незначительный, на чей-то

взгляд, штрих, но без него обвинительное заключение не имеет для суда никакого правового значения и не влечет никакой обязанности. Поэтому довод С.Б. Россинского о том, что предмет, объем и границы предстоящего судебного разбирательства формируются путем «вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, тогда как обвинительное заключение лишь повторяет, "засиливает" сформулированную ранее следственной позицией» [1, с. 38], дублирует ранее сформулированный «уголовный иск», не имеет под собой оснований. В конце концов, не следователь, при всем уважении к его работе и статусу, предъявляет этот иск.

Из того, что предварительное следствие завершается направлением уголовного дела прокурору, а процессуальная деятельность прокурора по рассмотрению поступившего к нему уголовного дела и утверждению составленного органами следствия итогового обвинительного документа не охватывается стадией предварительного расследования, логически вытекает наличие в досудебной части уголовного процесса отдельного этапа, содержанием которого является проверка законности предварительного расследования и обоснованности его результатов, а итогом – формирование государственного обвинения. Обладание процессуальной деятельности на этом этапе признаками самостоятельной стадии уголовного процесса меняет привычные представления о двухстадийной структуре досудебного производства.

Обоснование необходимости выделения стадии окончания досудебного производства

В качестве признаков, отличающих друг от друга стадии уголовного процесса, принято называть их задачи, круг участников и правоотношений, процессуальный порядок деятельности, итоговое решение [9; 19; 20]. Применим данные признаки к прокурорской деятельности после окончания предварительного расследования.

Движение уголовного процесса от стадии к стадии обусловлено выполнением задач предыдущего этапа, следовательно, начало рассматриваемого этапа производства по уголовному делу совпадает с окончанием предварительного расследования, т. е. с составлением обвинительного заключения (акта, постановления), а завершение – с его утверждением. Это ответственное решение прокурор может принять только в том случае, когда изученные им материалы ведут к обоснованному убеждению в доказанности обвинения совокупностью собранных органом расследования доказательств, обладающих свойствами достоверности, допустимости и достаточности. Утверждение обвинительного заключения означает переход ответственности за результаты расследования от следователя (органа расследования) к прокурору, которая трансформируется в ответственность за доказывание обвинения в суде.

Отсюда *задача* стадии окончания досудебного производства – тщательно и объективно изучить и проанализировать представленные прокурору материалы (следственное дело) с целью выявить возможные недостатки расследования, включая его неполноту, односторонность, нарушения уголовно-процессуального закона и прав участников досудебного производства, или убедиться в их отсутствии. Выполнение этой задачи

обеспечивает возможность движения дела дальше, а выявление в суде недостатков расследования означает невыполнение прокурором указанной задачи. Серьезным стимулом к повышению ответственности прокурора за принимаемое на этом этапе решение могло бы служить исключение возможности движения уголовного процесса в обратном направлении. Утверждение прокурором обвинительного заключения должно быть последней точкой в деятельности по формированию предмета и пределов судебного производства. Не повторяя высказанных нами в других публикациях аргументов, заметим, что помощь суда, который согласно ст. 237 УПК РФ в трудную минуту подставляет прокурору свое плечо, разрушает саму идею разделения обвинительной и судебной властей и независимости суда как основы состязательности судопроизводства, гарантированной Конституцией РФ. Установленный законом срок принятия решения в 10, а в исключительных случаях 30 суток, не случаен: он обеспечивает возможность внимательно изучить следственное дело, не только проверить формальное соблюдение требований УПК РФ, но и вникнуть в содержание документов. С этой же целью ФЗ РФ № 396-ФЗ от 31.07.2023 увеличил срок принятия прокурором решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом, с 2 до 5 суток. Ранее мы неоднократно обращали внимание на то, что в УПК РФ отсутствует норма, аналогичная ст. 213 УПК РСФСР, в которой содержался подробный перечень, конкретизировавший предмет прокурорской проверки⁴, однако указанный недостаток не освобождает прокурора от обязанности ответить на все вопросы этого списка, поскольку от этого зависит принимаемое им решение.

Круг участников рассматриваемого этапа уголовно-процессуальной деятельности существенно отличается от аналогичной характеристики других стадий. Главное действующее лицо здесь прокурор, к которому обращены все предписания ст. 221, 222, 226, 226.8 УПК РФ, однако варианты принимаемых им решений предполагают включение в эту деятельность и других лиц. Так, принятие решения о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования может инициировать процессуальную деятельность следователя, руководителя следственного органа, к которому следователь принадлежит, руководителя вышестоящего следственного органа, включая Председателя Следственного комитета РФ, вышестоящего прокурора и Генерального прокурора РФ, а по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом, – дознавателя и руководителя органа дознания. Обнаружившаяся на этом этапе недостаточность срока запрета определенных действий, домашнего ареста, содержания под стражей для принятия прокурором или судом соответствующего решения (ч. 2.1 ст. 221 УПК РФ) вовлекает в процессуальную деятельность суд, обвиняемого, его защитника и законного представителя. Утверждение прокурором обвинительного заключения порождает обязанность уведомить об этом обвиняемого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского

ответчика и (или) представителей, разъяснить им право ходатайствовать о проведении предварительного слушания, а некоторым из перечисленных лиц вручить копии обвинительного заключения. Выполняя эту обязанность, прокурор вступает, таким образом, в правоотношения с участниками уголовного процесса, имеющими право ожидать выполнения прокурором описанных обязанностей и определенным образом реагировать в случае их невыполнения.

Процессуальный порядок деятельности, определяемый решаемыми на этом этапе задачами, тоже достаточно специфичен. Порядок рассмотрения прокурором материалов уголовного дела свободный. Регламентированы лишь предусмотренные законом процессуальные решения, которые могут иметь форму постановления, например, о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, об отказе в удовлетворении ходатайства следователя, об отмене постановления нижестоящего прокурора, жалобы (в случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 221) либо обращенного к суду ходатайства о продлении меры пресечения. Решение о направлении уголовного дела в суд выполняется в виде резолюции на обвинительном заключении (акте, постановлении), вынесения специального постановления об этом законом не предусмотрено.

Учитывая, что прокурор, утвердив обвинительное заключение, должен выполнить и другие действия – направить уведомление о направлении уголовного дела в суд обвиняемому, защитнику, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и/или их представителям, вручить копию обвинительного заключения обвиняемому, в том числе через администрацию места содержания его под стражей, которая в этом случае тоже вовлекается в уголовно-процессуальную деятельность, а также защитнику и потерпевшему, если они об этом ходатайствуют (правда, нигде в УПК не сказано, что им это право должно быть разъяснено, например, при окончании расследования), и где-то указать причины отказа обвиняемого от получения копии обвинительного заключения, имеет смысл предусмотреть возможность составления прокурором какого-то официального документа, например постановления о направлении уголовного дела в суд, копии которого вместо уведомления направляются перечисленным выше лицам с разъяснением некоторым из них права получить копию обвинительного заключения. Впрочем, начавшаяся цифровизация уголовно-процессуальной деятельности может эту рекомендацию обесмыслить.

Итоговые процессуальные решения на этой стадии принимает только прокурор (иногда вышестоящий). При производстве предварительного следствия их два: о направлении уголовного дела на рассмотрение суда и о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования. Решение о направлении уголовного дела, подсудного вышестоящему суду, соответствующему вышестоящему прокурору мы не рассматриваем в качестве итогового, так как оно носит промежуточный характер.

При производстве предварительного расследования в форме дознания перечень итоговых решений прокурора более широк. Прокурор может направить дело для производства предварительного следствия, если результаты дознания его не удовлетворяют, прекратить

⁴ Лазарева В.А. *Прокурор в уголовном процессе*.

М.: Юрайт, 2015. 295 с.

Лазарева В.А. *Участие прокурора в уголовном процессе*.

М.: Юрайт, 2023. 283 с.

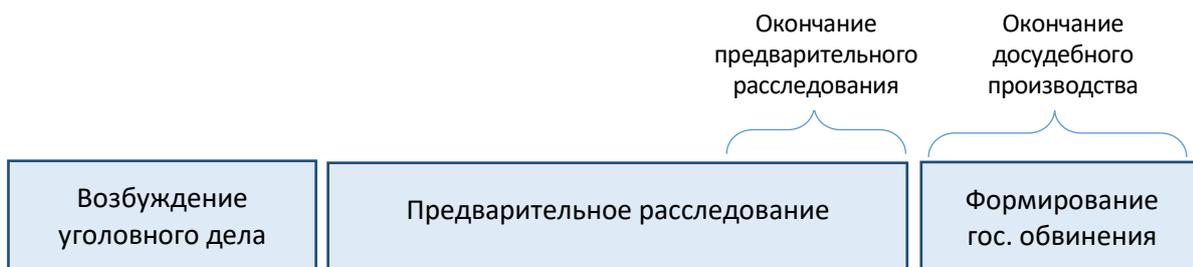

Рис. 1. Структура досудебного производства

уголовное дело по основаниям, предусмотренным ст. 24–28 УПК РФ, а при утверждении обвинительного акта исключить из него отдельные пункты обвинения или переqualифицировать обвинение на менее тяжкое. Нелогичное и бессмысленное, на наш взгляд⁵, ограничение прав прокурора на этом этапе досудебного производства по уголовным делам, поступившим с обвинительным заключением, по сравнению с делами, поступившими от органа дознания, не может иметь разумного объяснения. Достаточно вспомнить, что после направления уголовного дела в суд, в том числе и в стадии подготовки к судебному заседанию, прокурор вправе изменить обвинение в сторону его смягчения (ч. 5 ст. 236, ч. 8 ст. 246 УПК РФ).

Рассмотренные характеристики этапа окончания досудебного производства позволяют обоснованно утверждать, что досудебное производство фактически состоит не из двух, как принято считать, а из трех самостоятельных стадий (рис. 1).

ВЫВОДЫ

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

Между следствием (предварительным расследованием в любой форме) и судом (судебным производством) нет непосредственной границы. Окончание предварительного следствия не предопределяет еще производства судебного, не является ни поводом, ни основанием для его начала. Окончание расследования выступает лишь необходимой предпосылкой и обязательным условием начала следующего этапа досудебного пока еще производства, в ходе которого и решается вопрос о наличии или отсутствии оснований для перехода производства о преступлении в судебную часть уголовного процесса. Поэтому следует различать окончание предварительного следствия как один из его внутренних этапов и окончание досудебного производства как внешнего по отношению к предварительному расследованию этапа уголовно-процессуальной деятельности.

Окончание досудебного производства отличается от предварительного расследования наличием: а) собственных задач; б) иного, чем при производстве предварительного расследования, ответственного субъекта

процессуальной деятельности; в) особенных форм уголовно-процессуальной деятельности; г) итоговых процессуальных решений. Совокупность перечисленных характеристик позволят считать последний этап досудебного производства по уголовному делу самостоятельной стадией уголовного процесса.

Включение окончания досудебного производства в структуру предварительного следствия искажает и умаляет значение этапа уголовно-процессуальной деятельности, содержанием которого является формирование государственного обвинения, предмета и пределов доказывания в судебных стадиях уголовного процесса, что во многом объясняет отмеченные недостатки его правового регулирования. Признание окончания досудебного производства в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса, таким образом, открывает возможности для совершенствования как уголовно-процессуального права, так и практики его применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинский С.Б. Обвинительное заключение: процессуальное предназначение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 35–41. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-3-35-41](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2023-3-35-41).
2. Савельев К.А. Обеспечение права обвиняемого на защиту при окончании предварительного следствия. Самара: Самарский университет, 2008. 182 с.
3. Кузнецова Е.В. О прокурорском надзоре и ведомственном контроле на завершающем этапе предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 11–16. EDN: [WKDXRH](https://www.edn.ru/wkdxrh).
4. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. 490 с.
5. Савицкий В.М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. М.: Госюриздат, 1959. 262 с.
6. Уголовный процесс / под ред. Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич. М.: Юридическая литература, 1971. 584 с.
7. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М.: ТК Велби, 2005. 92 с.
8. Ефимичев С., Ефимичев П. Окончание предварительного расследования с составлением обвинительного заключения // Уголовное право. 2006. № 1. С. 83–87. EDN: [KXKPEH](https://www.edn.ru/kxkpen).

⁵ Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе.

М.: Юрайт, 2015. 295 с.

Лазарева В.А. Участие прокурора в уголовном процессе.

М.: Юрайт, 2023. 283 с.

9. Уголовный процесс / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 912 с.
10. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021. 408 с.
11. Ковалева Е.А. Проблемы правового регулирования этапа утверждения обвинительного заключения прокурором // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 3А. С. 180–185. EDN: [UXPVON](#).
12. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137. DOI: [10.12737/jrl.2019.9.10](#).
13. Попов В.С. Досудебное уголовное производство: о восстановлении триады его стадий // Проблемы права. 2012. № 4. С. 188–194. EDN: [PEWEAT](#).
14. Спиринов А.В. О перспективах совершенствования этапа окончания предварительного расследования и полномочиях прокурора // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17. № 2. С. 70–78. DOI: [10.25205/2542-0410-2021-17-2-70-78](#).
15. Резяпов А.А. Окончание предварительного расследования в системе досудебного производства по уголовным делам // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12. С. 162–164. EDN: [RRRDKE](#).
16. Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Процессуальная природа деятельности прокурора при окончании досудебного производства // Российский следователь. 2003. № 8. С. 35–37. EDN: [OPBGJT](#).
17. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970. 516 с.
18. Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21. С. 5–11. EDN: [RFLUWJ](#).
19. Шадрин В.С. Полномочия и деятельность прокурора по распоряжению государственным обвинением // Криминалист. 2020. № 2. С. 82–88. EDN: [VBIRRC](#).
20. Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 252 с.
5. Savitskiy V.M. *Prokurorskiy nadzor za doznaniem i predvaritelnyim sledstviem* [Prosecutor's supervision of inquiry and preliminary investigation]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959. 262 p.
6. Alekseev N.S., Lukashevich V.Z., eds. *Ugolovnyy protsess* [Criminal process]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 584 p.
7. Petrukhin I.L. *Teoreticheskie osnovy reformy ugolovno-go protsessa v Rossii* [Theoretical foundations of the reform of the criminal process in Russia]. Moscow, TK Velbi Publ., 2005. 92 p.
8. Efimichev S., Efimichev P. Completion of the preliminary investigation with the preparation of the indictment. *Ugolovnoe pravo*, 2006, no. 1, pp. 83–87. EDN: [KXKPEH](#).
9. Balakshina V.S., Kozubenko Yu.V., Proshlyakova A.D., eds. *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2016. 912 p.
10. Rossinskiy S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovno-mu delu: sushchnost i sposoby sobiraniya dokazatelstv* [Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence]. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p.
11. Kovaleva E.A. Problems of legal regulation of the stage of approval of the indictment by the prosecutor. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2022, vol. 12, no. 3A, pp. 180–185. EDN: [UXPVON](#).
12. Kovtun N.N. Formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2019, no. 9, pp. 123–137. DOI: [10.12737/jrl.2019.9.10](#).
13. Popov V.S. Pre-trial criminal proceeding: the restoration of the triad of its stages. *Problemy prava*, 2012, no. 4, pp. 188–194. EDN: [PEWEAT](#).
14. Spirin A.V. On the prospects for improving the stage of completion of the preliminary investigation and the powers of the prosecutor. *Yuridicheskaya nauka i praktika*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 70–78. DOI: [10.25205/2542-0410-2021-17-2-70-78](#).
15. Rezyapov A.A. End of preliminary investigation in the system of pre-judicial production of criminal cases. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2013, no. 12, pp. 162–164. EDN: [RRRDKE](#).
16. Manova N.S., Frantsiforov Yu.V. The procedural nature of the prosecutor's activities at the end of pre-trial proceedings. *Rossiyskiy sledovatel*, 2003, no. 8, pp. 35–37. EDN: [OPBGJT](#).
17. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Course of Soviet criminal procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2, 516 p.
18. Gavrilov B.Ya. Modern problems of pre-judicial production and measure for their permission. *Rossiyskiy sledovatel*, 2013, no. 21, pp. 5–11. EDN: [RFLUWJ](#).
19. Shadrin V.S. Powers and activities of the prosecutor on the order of the state prosecution. *Kriminalist*, 2020, no. 2, pp. 82–88. EDN: [VBIRRC](#).
20. Yakimovich Yu.K., Pan T.D. *Sudebnoe proizvodstvo po UPK Rossiyskoy Federatsii* [Judicial proceedings under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Sank Petersburg, Izdatelstvo R. Aslanova "Yuridicheskiy tsentr Press" Publ., 2005. 252 p.

REFERENCES

1. Rossinskiy S.B. Indictment: procedural purpose. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 35–41. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-3-35-41](#).
2. Savelev K.A. *Obespechenie prava obvinяаемого na zashchitu pri okonchaniі predvaritel'nogo sledstviya* [Ensuring the right of the accused to defense at the end of the preliminary investigation]. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2008. 182 p.
3. Kuznetsova E.V. About the prosecutor's supervision and departmental control at the final stage of the preliminary investigation. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2023, no. 1, pp. 11–16. EDN: [WKDXRH](#).
4. Cheltsov M.A. *Sovetskiy ugolovnyy protsess* [Soviet criminal trial]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury Publ., 1951. 490 p.

Between the investigation and the court: actions and decisions of the prosecutor at the end of the investigation as the final stage of pre-trial proceedings

© 2023

Valentina A. Lazareva, Doctor of Sciences (Law), Professor
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: lazareva.va@ssau.ru,
v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Received 15.09.2023

Accepted 25.10.2023

Abstract: The paper studies the essence and significance of the criminal-procedural activity of a prosecutor on completion of a preliminary investigation as a specific stage of pre-trial proceedings in a criminal case, which differs from the preliminary investigation in its parties, implemented tasks, specific forms of activity and legal relations, and final procedural decisions. The author analyzes the process of transformation of the indictment (charging document, accusatory decision) from a document completing the preliminary investigation and summing up its results into a document setting the limits, that is, the subject and scope of the upcoming trial. The paper considers the criminal-procedural significance of an act of approving the indictment (act, resolution) by the prosecutor. As a result of the study, the author formulates and substantiates conclusions on the end of pre-trial proceedings, as an independent, third in pre-trial proceedings, stage of the criminal process, which has its own boundaries (beginning and completion), specific goals and objectives, a responsible actor, and a special final procedural decision of multi-aspect significance. The prosecutor's approval of an indictment (act, resolution) means: a) the prosecutor's agreement with the preliminary investigation results; b) the end of pre-trial proceedings; c) the criminal case transition to the next stage – the judicial stage of the criminal procedure; d) the transfer of the burden of proof from a subject (body) of the preliminary investigation to the prosecutor heading the prosecutorial jurisdiction; e) the emergence of a state prosecution as a criminal-legal claim of the state against an accused. The paper contains the proposals, which determine the prospects for further improvement of the criminal-procedural law and increasing the efficiency of criminal-procedural activities by more clearly delineating responsibility for the results achieved between the preliminary investigation bodies and the prosecutor.

Keywords: pre-trial proceedings; end of pre-trial proceedings; prosecutor; state prosecution; indictment (act, resolution); completion of preliminary investigation; criminal process stages; subject and scope of the trial.

For citation: Lazareva V.A. Between the investigation and the court: actions and decisions of the prosecutor at the end of the investigation as the final stage of pre-trial proceedings. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 4, pp. 19–26. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-4-19-26.

Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с особой жестокостью и путем жестокого обращения: вопросы квалификации

© 2023

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: saveleva_olga@mail.ruORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5214-4968>

Поступила в редакцию 07.11.2023

Принята к публикации 11.12.2023

Аннотация: Обращение к вопросам квалификации преступлений, совершаемых с особой жестокостью и путем жестокого обращения, обусловлено, во-первых, изменениями, которые были внесены в уголовно-правовую норму об истязаниях в 2022 г. – введением квалифицирующего признака «особая жестокость» и исключением примечания с понятием «пытка». Во-вторых, тенденцией уголовной политики, которая наблюдается в 2022–2023 гг. – усилением и расширением ответственности за преступления, связанные с ведением специальной военной операции. Статья посвящена анализу признаков особой жестокости и жестокого обращения, содержащихся в ряде статей Уголовного кодекса РФ (УК РФ). Основной акцент сделан на определении сущности особой жестокости как новеллы ст. 117 УК РФ и жестокого обращения в конструкции ч. 1 ст. 356 УК РФ. В результате изучения научных публикаций, руководящих разъяснений постановлений Пленума ВС РФ и материалов судебной практики делается вывод о том, что «особая жестокость» и «пытка» – неравнозначные понятия, они соотносятся как целое и часть. В свою очередь, не тождественны термины «жестокое обращение» и «особая жестокость». В одних составах преступлений (ч. 1 ст. 356 УК РФ) первый охватывает второй, а в других (ст. 245 УК РФ) особая жестокость выделена из содержания жестокого обращения. Для уточнения понятия особой жестокости предлагается внести изменения в существующее постановление Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 и принять новое постановление. Обосновывается необходимость ужесточения ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ.

Ключевые слова: ч. 1 ст. 356 УК РФ; ст. 245 УК РФ; квалифицирующий признак «особая жестокость»; жестокое обращение; п. «д» ч. 2 ст. 117; истязания; издевательства; мучения; особые страдания.

Для цитирования: Савельева О.Ю. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с особой жестокостью и путем жестокого обращения: вопросы квалификации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 27–33. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-4-27-33.

ВВЕДЕНИЕ

Особая жестокость в шести составах преступлений, расположенных в разделе VII Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является конструктивным признаком объективной стороны (п. «д» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 117, п. «б» ч. 2 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ). Кроме того, особая жестокость указана в п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ как отягчающее наказание обстоятельство. Наравне с термином «особая жестокость» в некоторых из перечисленных норм законодатель использует такие определения, как «издевательства» и «мучения» (п. «и» ч. 1 ст. 63, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ), а также «садизм» (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В свою очередь, в диспозициях ст. 110, 156, 245 УК РФ, а также в ч. 1 ст. 356 УК РФ слово «жестокость» применяется в сочетании с термином «обращение».

Интерес к проблемам квалификации преступлений, совершаемых с особой жестокостью и путем жестокого обращения, вызван прежде всего необходимостью анализа п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ в редакции Федерального

закона от 14.07.2022 № 307-ФЗ, которым понятие «пытка», ранее содержащееся в данном составе истязаний, было заменено на термин «особая жестокость». В связи с этим возникает вопрос, насколько сущность п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ в новом изложении отличается от предыдущей формулировки этой нормы. Стоит отметить, что в судебной практике сложилась устойчивая позиция отнесения истязаний к одному из признаков особой жестокости при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего лица.

В условиях нынешней геополитической обстановки актуальным представляется исследование вопроса об ужесточении уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, посредством включения в нее квалифицирующего признака с указанием на последствия в виде умышленного лишения жизни, поскольку действующая редакция данной нормы не позволяет в полной мере разграничивать «жестокое обращение» и «особую жестокость» при обращении с военнопленными и гражданским населением и установить наказание наравне с ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Безусловно, вопрос о сущности «особой жестокости» и «жестоким обращении» не остается без внимания

в научной доктрине. Особая жестокость рассматривается в нескольких значениях: только как способ совершения преступления [1], как способ и обстановка совершения преступления [2; 3], как оценочный признак [4–6], как наиболее опасное проявление насильственного способа совершения преступления [7]. Плюрализм мнений существует и в части содержания «особой жестокости». Так, в качестве обязательного условия вменения особо жестокого способа причинения смерти при убийстве одни авторы называют длительное лишение жизни [8], а другие указывают еще на два – множественность нанесения побоев и ранений потерпевшему, а также последовательность причинения телесных повреждений [9].

Относительно соотношения «особой жестокости», «издевательств» и «мучений» высказывается мнение, что издеательства и мучения могут свидетельствовать об «обычной» жестокости, но при причинении особых страданий потерпевшему они теряют свою самостоятельность, трансформируясь в особую жестокость и, соответственно, становясь способами ее проявления [10]. Отдельные авторы придерживаются позиции, что результатом особой жестокости являются только страдания, а указание на «мучения» утяжеляет текст уголовного закона [11].

Страдания как проявления особой жестокости принято дифференцировать на продолжительные, многократные или однократные [12]. Используется термин «страдания» и при определении «жестоккого обращения» [13]. Относительно изменения редакции п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ взгляды ученых разделяются. Одни высказываются о ней в целом отрицательно, обосновывая свою позицию тем, что особая жестокость и пытки – не тождественные понятия [14]. Другие критикуют новую редакцию п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ в части указания в данной норме на «мучения» наряду с «особой жестокостью» [15]. Третьи положительно оценивают внесенные изменения, считая использование понятия «особая жестокость» более верным, поскольку его сущность раскрывается в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) [16].

Цель исследования – определение сущности «особой жестокости» и «жестоккого обращения» как признаков ряда составов преступлений, прежде всего п. «д» ч. 2 ст. 117 и ч. 1 ст. 356 УК РФ; формирование предложений по внесению изменений в УК РФ и постановление Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16, а также принятие нового постановления Пленума ВС РФ.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения поставленных целей использовались общенаучные и частнонаучные (собственно юридические) методы познания. Для выяснения сущности «особой жестокости» и «жестоккого обращения» с применением методов анализа и синтеза исследовались материалы судебной практики, разъяснения ВС РФ и доктринальные источники. Уголовно-правовые нормы, схожие по содержанию и значению, рассматривались с помощью сравнительно-правового метода познания.

Последовательность изложения материала предполагает поэтапное раскрытие следующих смысловых блоков:

1. Квалификация преступлений, связанных с особой жестокостью:

- а) понятие и признаки особой жестокости;
 - б) признаки особой жестокости при совершении убийств и преступлений против здоровья личности;
 - в) признак особой жестокости при совершении истязаний;
 - г) длительное лишение пищи и воды как проявление особой жестокости;
 - д) убийство или совершение преступлений против здоровья личности в присутствии близких потерпевшему лиц как признак особой жестокости.
2. Квалификация преступлений, связанных с жестоким обращением.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Квалификация преступлений, связанных с особой жестокостью

1. Понятие и признаки особой жестокости

Отсутствие законодательного определения «особой жестокости» и его толкование в двух постановлениях Пленума ВС РФ подтверждает постулат об оценочном характере данного признака. Разъяснения относительно сущности данной уголовно-правовой категории даются в п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 и в п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16. Из их содержания следует, что особая жестокость может проявляться в двух вариантах: способе совершения преступления и (или) иных объективных обстоятельствах.

К признакам, характеризующим способ совершения преступления, рекомендуется относить глумление над потерпевшим лицом, а также применение к нему пыток и истязаний.

В п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 г. № 16 при оценке «особой жестокости» используются два критерия – «особые страдания» и «тяжелые страдания». Полагаем, что термины «особые» и «тяжелые» равнозначны, оба отражают одинаковую степень страданий потерпевшего, и их одновременное использование нецелесообразно. В п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 страдания дифференцируются на физические и нравственные, что свидетельствует о том, что особая жестокость проявляется не только в физическом насилии, но и в психическом.

В свою очередь, в п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 в качестве примеров проявления особой жестокости указываются нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи.

2. Признаки особой жестокости при совершении убийств и преступлений против здоровья личности

Дача яда и сожжение жертвы заживо – это способы физического насилия, которые могут иметь место только при убийстве, поскольку по силе своего воздействия они ведут к неминуемой смерти человека.

Воздействие огня или высоких температур на тело жертвы при совершении других преступлений против личности не должно носить такой тотальный характер, как при убийстве. Здесь должны учитываться способ

(как применялся огонь), средства (с помощью каких веществ) и орудия (с помощью каких предметов) нанесли повреждения жертве. К примеру, прижигание различных частей тела с помощью открытого пламени или раскаленных предметов (железо, утюг) или веществ (расплавленный воск) [17]. Так, граждане К. и Ш. были осуждены за изнасилование с особой жестокостью, которое выразилось в том, что Ш. по указанию К. дважды прижигал потерпевшей кожу сигаретой на спине и на лбу (определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 25.12.2012 № 56-О12-84). В другом случае Е.А. Недомерков по приговору Волгоградского областного суда от 22.12.2020 (дело № 2-20/2020) был осужден за убийство с особой жестокостью. Он вывел потерпевшего из его квартиры на лестничную площадку, облил дизельным топливом и поджег зажигалкой. В результате произошло возгорание одежды, туловища, конечностей и головы жертвы, приведшее к ожогам пламенем I, II и III степени головы, шеи, туловища, конечностей – примерно 70 % тела, что вызвало ожоговую болезнь (шок III степени). Смерть потерпевшего наступила не сразу, а спустя пять дней. Тем не менее оснований для квалификации преступления по ч. 4 ст. 111 УК РФ здесь не имелось, на что обратил внимание суд, указав в подтверждение наличия умысла на причинение смерти на характер, локализацию и способ причинения потерпевшему телесных повреждений. Полагаем, что в данном случае нужно было отметить и средство преступления (дизельное топливо), которое применялось для сожжения жертвы.

Прижигание тела потерпевшего фактически свидетельствует об истязании жертвы, которое при отсутствии последствий, предусмотренных ст. 111 и 112 УК РФ, должно квалифицироваться по п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ, поскольку говорит о причинении особых страданий потерпевшему.

Большое количество телесных повреждений присуще всем преступлениям против личности с признаком особой жестокости, однако характер и степень тяжести этих повреждений неравнозначен. При убийстве это, как правило, множественные проникающие колюще-режущие ранения. При совершении преступлений по ст. 111, 112 УК РФ – нанесение повреждений ногами и руками либо с помощью бытовых приборов и предметов. Например, особая жестокость при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшему Б. со стороны В.И. Грязева и Е.Е. Гришкина выразилась в нанесении многочисленных (не менее 50) ударов кулаками и ногами по различным частям тела, не менее 6 ударов табуреткой по спине и ногам, не менее 30 ударов деревянным брусом (приговор Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области от 07.07.2020 по делу № 1-112/2020).

3. Признак особой жестокости при совершении истязаний

Специфика истязаний заключается в том, что в диспозиции данной нормы изначально заложена «множественность» актов насилия в виде систематического нанесения побоев или иных насильственных действий, вплоть до причинения легкого вреда здоровью личности. Традиционно признак «систематичность» подразумевает нанесение побоев три раза и более [18–20]. Чтобы говорить об особой жестокости в данном случае,

полагаем, необходимо учитывать длительность нанесения побоев и их значительное количество. Примечательным в этом плане является апелляционное определение от 17.10.2022 по делу № 55-477/2022, которым было установлено соответствие п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ (в предыдущей редакции) положениям действующей редакции УК РФ. Как указал суд апелляционной инстанции, издевательства и мучения, выразившиеся в нанесении множественных ударов кулаками и ногами по различным частям тела потерпевшего, связывании, применении удушающих приемов, использовании кляпа для перекрытия доступа кислорода в легкие, нанесении специально подготовленным предметом множественных ударов по ягодицам, спине и другим частям тела, входят в понятие «пытка» и указывают на особую жестокость.

4. Длительное лишение пищи и воды как проявление особой жестокости

Длительное лишение пищи и воды также может свидетельствовать об особой жестокости во всех составах преступлений с данным признаком. Общественно опасное деяние в таком случае будет выражаться в форме бездействия – невыполнение виновным лицом возложенных на него обязанностей по отношению к потерпевшему. В силу этого подобное проявление особой жестокости, как свидетельствует анализ судебной практики, зачастую имеет место в отношении малолетних детей со стороны их родителей (содеянное квалифицируется по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Критерий «длительности» также является оценочным. Здесь должны учитываться возраст и состояние здоровья потерпевшего, а также продолжительность оставления потерпевшего без пищи и питья.

В актах судов по уголовным делам, связанным с квалификацией по ст. 111 УК РФ, при толковании признака «особая жестокость, издевательства и мучение» также указывается на лишение жертвы тепла, помещение ее во вредные для здоровья условия или оставление ее в этих условиях (например, апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 21.10.2021 по делу № 22-2612/2021, определение Следственного комитета по уголовным делам ВС РФ от 08.06.2005 № 37-ДО5-9). Тем самым делается попытка разграничить сущность особой жестокости при убийстве и причинении вреда здоровью. Примечательно, что в одном акте суда пытки, истязания, лишение пищи и воды отнесены к «особой жестокости» (определение Следственного комитета по уголовным делам ВС РФ от 08.06.2005 № 37-ДО5-9), а в другом – к «издевательствам и мучениям» (апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 21.10.2021 по делу № 22-2612/2021). Это подтверждает неоднозначность сущности «издевательства» и «мучений» и невозможность их четкого отграничения от «особой жестокости».

5. Убийство или совершение преступлений против здоровья личности в присутствии близких потерпевшему лиц как признак особой жестокости

К иным объективным обстоятельствам проявления особой жестокости следует относить совершение преступления в присутствии близких лица, в отношении которого совершается посягательство. В таком случае, если руководствоваться терминологией, используемой законодателем в конструкции ст. 106 УК РФ, жертва

и ее близкие оказываются в условиях психотравмирующей ситуации. При этом близкие фактически тоже становятся жертвами посягательства. Они опосредованно подвергаются психическому насилию, которое может привести к преступному результату. Об этом красноречиво свидетельствует следующий пример из судебной практики: на основании апелляционного приговора Следственного комитета по уголовным делам ВС РФ от 28.09.2017 по делу № 45-АПУ17-18, Ал.Н. Нечкин и Ан.Н. Нечкин были осуждены за ряд преступлений, в том числе по п. «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ. Данные граждане совершили убийство М. путем нанесения ему множества ножевых ранений в присутствии его четырехлетнего внука А., который после произошедшего пытался оказать помощь бабушке, а также начал громко кричать с целью привлечения внимания посторонних лиц. В результате увиденного у мальчика развилось психическое расстройство в форме острой реакции на стресс с аффективно-шоковым состоянием, которое трансформировалось в дальнейшем в посттравматическое стрессовое расстройство. Таким образом, судом фактически было установлено два потерпевших от действий с особой жестокостью: первый потерпевший – от убийства, второй – от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Квалифицирующий признак «особая жестокость» обоснованно вменен только в части убийства, исходя из направленности прямого умысла на лишение жизни потерпевшего М. с особой жестокостью. По отношению к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшему А. следует признать, что вина выражалась в форме и виде косвенного умысла.

Совершение посягательства в присутствии близких потерпевшему лиц, безусловно, актуально и для преступления, предусмотренного ст. 117 УК РФ. Зачастую истязания совершаются на семейно-бытовой почве, где насилию подвергается один из членов семьи (супруга или дети) в присутствии другого члена семьи.

Квалификация преступлений, связанных с жестоким обращением

В диспозициях четырех уголовно-правовых норм, перечисленных выше, употребляется термин «жестокое обращение».

Как и в случае с «особой жестокостью», определение «жестокое обращение» в УК РФ отсутствует. В руководящих разъяснениях ВС РФ толкование данной уголовно-правовой категории не дается.

Этимология «жестокое обращение» на уровне национального законодательства раскрывается только применительно к ст. 245 УК РФ в п. 5 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ. В свою очередь, из норм международного законодательства вытекает сущность «жестокое обращение», касающаяся ч. 1 ст. 356 УК РФ.

Так, к признакам жестокого обращения с животными, согласно положениям п. 5 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ, относится истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями.

«Жестокое обращение» с военнопленными и гражданским населением, исходя из содержания ст. 130 Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12.08.1949 и ст. 147 Женевской конвенции о защите

гражданского населения во время войны от 12.08.1949, подразумевает, хотя напрямую данный термин в этих документах не используется: преднамеренное убийство; пытки; бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты; преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья.

При соотношении этих норм закона с признаками особой жестокости, рассмотренными выше, напрашивается вывод, что «жестокое обращение» – более широкое понятие, которое включает как «обычную» жестокость, так и «особую». Дальнейший анализ положений ст. 245 УК РФ свидетельствует о том, что в п. «б», «в» ч. 2 данной нормы предусмотрена повышенная уголовная ответственность за жестокое обращение с животными в присутствии малолетних и с применением садистских методов.

Как отмечалось ранее, «садизм» указан в п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ наряду с «особой жестокостью», «издевательствами» и «мучениями». В теории его рассматривают как «проявление жестокости, доставляющее удовольствие лицу, осуществляющему насилие» [7]. Следовательно, учитывается не только способ преступления как признак объективной стороны, но и субъективное восприятие подобного воздействия. Получение удовольствия от причиняемых страданий другому лицу или животному свидетельствует о «нездоровой» психике субъекта преступления.

В свою очередь, жестокое обращение с животным на глазах у малолетнего сравнимо с совершением преступления против личности в присутствии близких потерпевшему лиц. Это такая же психотравмирующая ситуация, в которой оказывается гражданин в возрасте до 14 лет. В силу повышенной впечатлительности, свойственной этому возрасту, неокрепшей психике ребенка может быть нанесен существенный урон, вплоть до тяжкого вреда здоровью в виде психического расстройства. Таким образом, применительно к преступлению, предусмотренному ст. 245 УК РФ, законодатель фактически провел дифференциацию «жестокости» на «обычную» и «особую», выделив последнюю из «простого жестокого обращения».

Что касается ч. 1 ст. 356 УК РФ, то здесь квалифицирующих признаков, подобных ст. 245 УК РФ, нет. Иными словами, жестокое обращение в данном случае включает и проявление особой жестокости, что после начала специальной военной операции зачастую отмечается в материалах уголовных дел. Так, по информации, размещенной на интернет-сайте ТАСС¹, в течение 29 дней с начала марта 2022 г. рядовой одной из воинских частей ВС РФ находился в плену у ВСУ. Несмотря на то, что военнослужащий нуждался в постоянном медицинском уходе после операции, его перевезли в воинскую часть в Полтаве, где подвергли пыткам. В частности, потерпевший допрашивался военными и людьми в штатском насильственным способом, а именно: неоднократно наносились удары по голове кулаками, кирпичом и пистолетом, дергались операционные трубки. Если ответы не устраивали, избивание возобновлялось, и к виску приставлялся пистолет.

¹ СК возбудил дело о бесчеловечном обращении с российскими военнопленными на Украине // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/14313921?ysclid=lpxyumy5h7b699970633>.

Анализ санкции ч. 1 ст. 356 УК РФ позволяет сделать следующие выводы. Срок лишения свободы здесь фактически варьируется от 2 месяцев до 20 лет, поскольку речь идет о санкции только с максимумом наказания. При этом в качестве отягчающего вину обстоятельства положения п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ в данном случае применяться не могут. В свою очередь, максимальный срок лишения свободы в 20 лет позволяет сделать вывод, что ч. 1 ст. 356 УК РФ охватывает и убийство военнослужащего с особой жестокостью. Это также вытекает из рассмотренных выше норм Женевских конвенций. Однако, сравнив санкции ч. 1 ст. 356 и ч. 2 ст. 105 УК РФ, мы увидим, что санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ строже, так как предусматривает, во-первых, минимальный срок лишения свободы в размере 8 лет, во-вторых, еще более строгий вид наказания – пожизненное лишение свободы.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Нельзя согласиться с мнением [16], что Федеральным законом от 14.07.2022 № 307-ФЗ была декриминализована ответственность за истязание с применением пытки. Мы согласны с автором [15], который пишет о том, что пытки, если они применяются лицами, не относящимися к категории должностных, являются составляющей частью особой жестокости. Это, как было установлено выше, подтверждается и правоприменителем.

Ошибочной следует считать позицию, что качественным признаком систематичности нанесения побоев при истязаниях является причинение «особых» мучений и страданий [19]. В таком понимании нивелируется разница между ч. 1 ст. 117 и п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ.

Представляется неправильным суждение [14], что только предыдущая редакция п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ допускала квалификацию истязания с применением данного квалифицирующего признака при систематичности нанесения побоев. Систематичность являлась и является обязательным конструктивным элементом объективной стороны (способом преступления) основного состава ст. 117 УК РФ. В п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ он дополняется другим способом – особой жестокостью. Следовательно, систематическое нанесение побоев, сопряженное с пытками, или в присутствии близких потерпевшего должно квалифицироваться как истязание с особой жестокостью.

Справедливой является точка зрения [5], что в разъяснениях правоприменительной практики должна использоваться только одна оценочная категория страданий – «особые», что требует внесение соответствующих изменений в абз. 2 п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16.

Заслуживают внимание предложения о принятии отдельного постановления Пленума ВС РФ, в котором бы давалось официальное толкование «особой жестокости», «издевательств» и «мучений» [5; 10; 11]. Целесообразно, чтобы такое постановление было посвящено не только разъяснению перечисленных терминов, а в целом обобщало бы судебную практику по делам о преступлениях против здоровья.

Необходимо согласиться с тем, что единичные случаи проявления особой жестокости в отношении военнопленных и гражданского населения должны квали-

фицироваться по соответствующей статье о преступлении против личности [13], в том числе по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В свою очередь, если убийство указанных потерпевших происходит в результате массового применения пыток, то содеянное в настоящее время квалифицируется по ч. 1 ст. 356 УК РФ, при этом виновный несет более мягкое наказание, чем по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Для унификации оценочных критериев степени тяжести причиненных страданий как проявления особой жестокости, в абз. 2 п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 слова «вызывающем тяжелые физические либо нравственные страдания» заменить на «вызывающем особые физические либо нравственные страдания».

2. В связи с тем, что толкование многих терминов, прежде всего «особой жестокости», даваемое в постановлении Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1, нельзя в полном объеме распространять на составы преступлений против здоровья (ст. 111, 112, 117 УК РФ), необходимо принять новое постановление Пленума ВС РФ, в котором будет даваться разъяснение относительно квалификации преступлений против здоровья с соответствующими отягчающими признаками.

3. Для усиления уголовной ответственности за жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением необходимо в ст. 356 УК РФ предусмотреть квалифицированный состав данного деяния с указанием на последствия в виде умышленного лишения жизни. Наказание установить такое же, как в санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. 348 с.
2. Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 898 с.
3. Меньшикова А.Г. Особая жестокость сквозь призму объективных признаков состава преступления // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 73–80. EDN: [YTTWGI](#).
4. Фиошин А.В. Об оценочных понятиях частного и публичного права // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 5. С. 90–113. EDN: [PDUIFS](#).
5. Козаченко И.Я., Меньшикова А.Г. Особые страдания как характеристика особой жестокости при совершении преступления // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 56–59. EDN: [YWKEMX](#).
6. Исаков В.Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 5–19. DOI: [10.12737/jrl.2021.095](#).
7. Мирошниченко Н.В., Максимов В.Ю. Насильственный способ совершения деяния и его проявления в преступлениях против жизни и здоровья личности // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 4. С. 159–164. DOI: [10.37493/2409-1030.2020.4.22](#).

8. Яни П.С. Убийство, «сопряженное» с особой жестокостью: вопросы квалификации // Законность. 2022. № 10. С. 27–32. EDN: [ADGBLG](#).
9. Гребенкин Ф. Убийство, совершенное с особой жестокостью: вопросы квалификации в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 3. С. 17–20. EDN: [MKNRXC](#).
10. Меньшикова А.Г. Соотношение понятий «особая жестокость», «издевательство» и «мучения» применительно к п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ // Российский юридический журнал. 2014. № 4. С. 65–70. EDN: [SIVWHD](#).
11. Меньшикова А.Г. Страдания как результат проявления особой жестокости при совершении преступления // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6. С. 91–97. EDN: [YQDIRT](#).
12. Попов А.Н. Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2001. 212 с.
13. Левандовская М.Г. Жестокое обращение как способ совершения военных преступлений // Закон и право. 2018. № 7. С. 100–103. DOI: [10.24411/2073-3313-2018-10064](#).
14. Бардеев К.А. Проблемы законодательной регламентации и квалификации пытки в отечественном уголовном законодательстве // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 251–255. DOI: [10.24158/tipor.2023.6.33](#).
15. Дашиева А.Д. Об исключении пыток как квалифицирующего признака истязаний и соотношение понятий мучений и истязаний // Глаголь правосудия. 2023. № 2. С. 2–5. EDN: [FDSVIB](#).
16. Амирова Д.К., Фаизова Д.Л. Уголовно-правовые проблемы квалификации истязания (статья 117 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Учёные записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8. № 1. С. 7–14. EDN: [HRDDYY](#).
17. Тыдыкова Н.В. Проблемы толкования особой жестокости при квалификации насильственных половых преступлений // Уголовное право. 2019. № 4. С. 97–102. EDN: [BBOOHI](#).
18. Молев Г.И., Пузарин А.И. Проблемы квалификации истязания как уголовно-наказуемого деяния // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 1. С. 102–108. DOI: [10.21685/2307-9525-2021-9-1-13](#).
19. Багун Э.А. Признак систематичности в структуре истязания: вопросы теории и практики // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2022. № 4. С. 84–89. EDN: [TLPDFE](#).
20. Журтов А.Б. Применение пытки при истязании: некоторые проблемы квалификации // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 118–120. EDN: [ZFCMMD](#).
- and Sexual Integrity]. Ekaterinburg, Gumanitarnyy universitet Publ., 2000. 348 p.
2. Popov A.N. *Ubiystva pri otyagchayushchikh obstoyatelstvakh* [Homicides under aggravating circumstances]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 898 p.
3. Menshikova A.G. A special cruelty in the light of the objective elements of a crime. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 73–80. EDN: [YTTWGI](#).
4. Fioshin A.V. On the valuation concepts of private and public law. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2022, vol. 12, no. 5, pp. 90–113. EDN: [PDUIFS](#).
5. Kozachenko I.Ya., Menshikova A.G. Special sufferings as a characteristic of special cruelty in the commission of a crime. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2018, no. 5, pp. 56–59. EDN: [YWKEMX](#).
6. Isakov V.B. Prospects of reengineering of legal regulation, legal science and education. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2021, vol. 25, no. 8, pp. 5–19. DOI: [10.12737/jrl.2021.095](#).
7. Miroshnichenko N.V., Maksimov V.Yu. Violent method of committing an act and its manifestation in crimes against the life and health of an individual. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2020, no. 4, pp. 159–164. DOI: [10.37493/2409-1030.2020.4.22](#).
8. Yani P.S. Homicide “conjugated” with extreme cruelty: issues of the qualification. *Zakonost*, 2022, no. 10, pp. 27–32. EDN: [ADGBLG](#).
9. Grebenkin F. Homicide committed with special cruelty: the issues of categorization in court practice. *Ugolovnoe pravo*, 2011, no. 3, pp. 17–20. EDN: [MKNRXC](#).
10. Menshikova A.G. Correlation of concepts of “particular cruelty”, “torture” and “tortments” in relation to p. “v” p. 2 Art. 112 of the CC of the RF. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2014, no. 4, pp. 65–70. EDN: [SIVWHD](#).
11. Menshikova A.G. Suffering as a result of the manifestation of special cruelty in the commission of a crime. *Elektronnoe prilozhenie k “Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu”*, 2017, no. 6, pp. 91–97. EDN: [YQDIRT](#).
12. Popov A.N. *Ubiystva, sovershaemye s osoboy zhestokostyu, a takzhe obshcheopasnym sposobom* [Murders committed with extreme brutality and by generally dangerous way]. Sankt Petersburg, Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut Generalnoy prokuratury RF Publ., 2001. 212 p.
13. Levandovskaya M.G. Cruel treatment as a means of committing war crimes. *Zakon i pravo*, 2018, no. 7, pp. 100–103. DOI: [10.24411/2073-3313-2018-10064](#).
14. Bardeev K.A. Problems of legislative regulation and qualification of torture in domestic criminal legislation. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2023, no. 6, pp. 251–255. DOI: [10.24158/tipor.2023.6.33](#).
15. Dashieva A.D. On the exclusion of torture as a qualifying sign of torture and the correlation of the concepts of torture and torture. *Glagoľ pravosudiya*, 2023, no. 2, pp. 2–5. EDN: [FDSVIB](#).
16. Amirova D.K., Faizova D.L. Criminal law challenges in qualifying torture (article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2023, vol. 8, no. 1, pp. 7–14. EDN: [HRDDYY](#).
17. Tydykova N.V. Problems of interpretation of special cruelty in qualifying violent sexual offenses. *Ugolovnoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 97–102. EDN: [BBOOHI](#).

REFERENCES

1. Kondrashova T.V. *Problemy ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni, zdorovya, polovoy svobody i neprikosnovennosti* [Problems of Criminal Liability for Crimes Against Life, Health, Sexual Freedom

18. Molev G.I., Puzarin A.I. Problems of qualification of testimony as a criminal punished act. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 102–108. DOI: [10.21685/2307-9525-2021-9-1-13](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-1-13).
19. Bagun E.A. A feature of systematicity in the structure of torture: issues of theory and practice. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2022, no. 4, pp. 84–89. EDN: [TLPDFE](https://elibrary.ru/TLPDFE).
20. Zhurtov A.B. Torture upon torture: some problems of qualification. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*, 2017, no. 4, pp. 118–120. EDN: [ZFCMMD](https://elibrary.ru/ZFCMMD).

Criminal liability for crimes committed with extreme brutality and through abusive treatment: classification issues

© 2023

Olga Yu. Savelyeva, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5214-4968>

Received 07.11.2023

Accepted 11.12.2023

Abstract: Addressing the issues of classification of crimes committed with extreme brutality and through abusive treatment is caused, firstly, by the amendments to the criminal law provision on torture in 2022 – the introduction of the “extreme brutality” qualifying factor and the removal of the note with the concept of torture. The second cause is the trend in criminal policy observed in 2022–2023 – strengthening and extension of responsibility for crimes related to the special military operation. The paper deals with the analysis of signs of extreme brutality and abusive treatment contained in some articles of the Criminal Code of the Russian Federation (the RF Criminal Code). The author lays main emphasis on determining the essence of extreme brutality as a novelty of Art. 117 of the RF Criminal Code and abusive treatment in the construction of part 1 of Art. 356 of the RF Criminal Code. As a result of studying scientific publications, guiding explanations of the resolution of the Plenum of the RF Armed Forces and judicial practice materials, it is concluded that “extreme brutality” and “torture” are unequal concepts; they are correlated as a whole and a part. In turn, the terms “abusive treatment” and “extreme brutality” are not identical. In some crimes (part 1 of Art. 356 of the RF Criminal Code), the first term covers the second one, and in others (Art. 245 of the RF Criminal Code), extreme brutality is differentiated from the abusive treatment content. To clarify the concept of extreme brutality, the author proposes to amend the existing resolution of the Plenum of the RF Armed Forces dated December 4, 2014 No. 16 and adopt a new resolution. The paper justifies the need to tighten responsibility for committing a crime under part 1 of Art. 356 of the RF Criminal Code.

Keywords: part 1 of Art. 356 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation; “extreme brutality” qualifying factor; abusive treatment; paragraph “d” of part 2 of Art. 117; torment; bullying; torture; special suffering.

For citation: Savelyeva O.Yu. Criminal liability for crimes committed with extreme brutality and through abusive treatment: classification issues. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 4, pp. 27–33. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-4-27-33](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2023-4-27-33).

НАШИ АВТОРЫ

Вершинин Иван Леонидович, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: iv.vershinin2015@yandex.ru

Дулгер Артем Вячеславович, старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права», адвокат-партнер АБ СО «Хальченко и партнеры».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: a.dulger@tltsu.ru

Кожевников Родион Олегович, аспирант.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: kozhevnikov.rodion@yandex.ru

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор.
Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

OUR AUTHORS

Dulger Artem Vyacheslavovich, senior lecturer of Chair “Theory and History of State and Law”, attorney partner at Khalchenko and Partners Lawyers’ office, Samara Region.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: a.dulger@tlttsu.ru

Kozhevnikov Rodion Olegovich, postgraduate student.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kozhevnikov.rodion@yandex.ru

Lazareva Valentina Aleksandrovna, Doctor of Sciences (Law), Professor.
Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University, 443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse, 34.
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Savelyeva Olga Yuryevna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Vershinin Ivan Leonidovich, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: iv.vershinin2015@yandex.ru